Чистильщик. Выстрел из прошлого

Автор:
Евгений Щепетнов

Чистильщик. Выстрел из прошлого

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо)Чистильщик #2

Найденный двадцать лет назад при таинственных обстоятельствах, Толик Карпов вырос первоклассным бойцом. Всю свою жизнь он посвятил истреблению Тварей. Эти хищные существа лишь внешне напоминают людей, и отличить их можно только по необыкновенной зеленой ауре. Карпову не дает покоя тайна его происхождения, но при попытке раскрыть ее он попадает в зловещий мир Империи, где не знают огнестрельного оружия. Отныне Толика называют Дегером. Его судьба – быть бойцом на Арене, развлекая кровожадную публику. Но чтобы выжить, одного умения драться недостаточно…

Евгений Щепетнов

Чистильщик. Выстрел из прошлого

© Щепетнов Е.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Она очень красива, моя мама. Красива и молода. Высокая, стройная, сильная! Красивее, чем в молодости!

Хм… странно это, правда? Как можно быть красивее, чем в молодости? А вот можно! Если в тебе сидит энергетическая сущность, можно сказать, энергодемон, питающийся психической энергией Носителя, и не только энергией Носителя. И других людей – тоже. А за это энергодемон (я называю его Тварью) дает Носителю силу, скорость и долгую, очень долгую жизнь!

Нет, не все Твари дают силу. Только Альфа-Твари. Но это долгая, очень долгая история.

Моей маме сейчас далеко за пятьдесят, но выглядит она максимум на тридцать. Да и то потому, что постаралась себя внешне состарить – с помощью одежды, косметики.

Смешно, но состарить себя оказалось не менее сложно, чем с помощью той же косметики себя омолодить. Мама вообще-то на пенсии, и смешно бы выглядела, явись она в пенсионный фонд эдакой молодой красоткой.

Кстати, не раз ей говорил: а может, сделать новые документы и скрыться под чужим именем? Уехать куда глаза глядят и начать новую жизнь? А что – деньги у нас есть. Ну… пока есть! Можно найти тех, кто сделает документы, не так уж это и сложно. Время сейчас такое, что можно сделать все что угодно – были бы деньги.

После того как я прихватил с Арены (и не только с Арены!) кучу денег, забрав их у организатора боев, в деньгах мы особо не нуждаемся. Тем более что я еще и веду платные тренировки. Мой учитель Белокопытов, прежде чем исчезнуть, раствориться на просторах нашей страны (в который уже раз за несколько сотен лет!), переписал свой дом и все свое имущество на дочку Варю, мою жену. И теперь мы живем в этом доме, в котором есть спортивный зал, и ко мне на тренировки ходят несколько десятков людей – охранники, телохранители, просто обеспеченные люди, которые желают стать могучими и непобедимыми.

Да, это сарказм. Ни один дилетант не может сразу стать могучим и непобедимым, потому что для того нужно истово, по нескольку часов в день выковывать из своего тела непобедимое оружие. А это могут только единицы. И

если дилетант сумел преодолеть свою боль, лень, свой страх, он перестает быть дилетантом и становится Мастером.

Два года прошло с тех пор, как исчез Белокопытов. И эти два года пролетели, как один день. Я жил будто в сладком сне – любимая жена, любимая работа, здоровая, веселая мама, которая забыла о нищете и теперь – о боги! – подумывает о замужестве. Да, да, моя мама спросила у меня, не против ли я буду, если она будет жить с неким Петром Николаевичем, хорошим человеком, с которым она познакомилась где-то в городе!

М-да-а… моя мама знакомится в городе с каким-то мужиком, а потом извещает меня, что собирается с ним жить! Нет, ну не смешно ли?! Мама, которая во время работы в милиции и думать забыла о личном, семейном счастье, всю себя отдав работе!

Мама. Она – моя мама юридически. И фактически. Но не физически. Проще говоря, не она меня рожала. Приемная мама. Я ведь детдомовский. Мои родители (если это были родители!) погибли, раздавленные грузовиком, водителя которого вроде как не нашли. Темная история. Как я оказался на обочине дороги, кто меня выбросил из окна машины перед столкновением – не знаю. Моя мать? Или отец?

Мама пыталась найти мою родню, пыталась разобраться в происшедшем, но так и не смогла этого сделать. Не смогла – при всей ее энергии, уме и выдающихся способностях следователя! Да еще и при маминых связях – и даже в КГБ. Да, тогда эта организация называлась КГБ, сейчас она – ФСБ.

Иногда в голову закрадывается предательская мысль: а действительно ли мама хотела найти мою родню? Действительно ли хотела найти тех, кто мог бы предъявить права на мою маленькую тушку? Ведь если разобраться – мама, задействовав все свои связи, с огромным трудом подобрала себе подходящего ребенка для усыновления. Здорового, нормального – меня. И если она найдет мою родню – ведь могут попытаться меня отобрать! А зачем ей это нужно? Вполне, на мой взгляд, логичный вопрос!

Я сижу возле окна, мама напротив, через стол. Лицо ее спокойно и холодно, но я чувствую мамино напряжение. Когда живешь бок о бок почти двадцать лет, волей-неволей начинаешь чувствовать человека. Даже если это моя железная

мама.

Мне о многом нужно с ней поговорить. И откровенно.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – голос мамы бесстрастен, спокойно и ее лицо. Умеет моя мама контролировать эмоции! Старая школа!

– Мам, скажи… ты на самом деле искала моих родителей?

Глаза мамы расширились, но она тут же собой овладела. Кроме дрогнувших век – никакой особой реакции. Разве что чуть большая, чем нужно, пауза перед ответом.

– Конечно. Я сделала все, что могла. Даже подавала запрос в КГБ. Но там мне ответили, что информация засекречена и чтобы я не дергалась и заткнулась. А потом попробовали меня вербануть на освещение деятельности коллег.

– О как! – восхитился я. – А мне ты этого не говорила! Я помню, ты сказала: мол, подавала запрос и КГБ никого не нашел. А тут совсем другое дело! И ты на этом успокоилась?

– Не говорила потому, что не могла. С меня подписку взяли. А ты был маленьким и болтливым – мог раззвонить. Теперь ты взрослый. Спросил – я отвечаю.

Я посмотрел в глаза маме и устыдился. Почему я с ней так жестко разговариваю? Ведь она моя МАМА! Не та, кто родила, но настоящая! Мама за меня всех порвет! На весь мир войной пойдет! Умрет за меня! А я с ней как с подозреваемой в преступлении. Отвратительное чувство.

– Мам… я ни в чем тебя не виню. Я тебя люблю! Ты моя мама! И останешься ею навсегда! Но мне хочется знать – откуда я взялся?! Откуда я пришел?! Корни! Да, понимаю, мне может не понравиться то, что узнаю. Да, возможно, я пожалею, что начал эту суету. Но я хочу знать! Я должен знать! Сам не понимаю почему. Но должен!

Замолчал, посмотрел на маму. Она сидела, глядя на свои руки, лежащие на столе и сцепленные в замок. Пальцы побелели от напряжения. Ей нелегко

давался этот разговор. Очень нелегко!

– Я ездила туда, где все это случилось, – мама начала медленно, глухо, и лицо ее как-то сразу постарело. – Мне показали место, где тебя нашли. Ты лежал в снегу на обочине дороги. Там вообще-то тепло, это же Кавказ, но тогда, в марте, вдруг завьюжило, и на обочине оставались кучки тающего снега. Возможно, именно потому ты и выжил. Упал в одну из кучек. То ли тебя выбросили из машины перед столкновением… То ли это случайность – они бывают, случайности: может, выбросило тебя при ударе. Бывает такое, во что и поверить невозможно. Так вот: я нашла и врачей из «Скорой помощи», которые тебя осматривали. И знаешь что? – мама нахмурилась и помотала головой. – У меня было ощущение, что они что-то скрывают. Нет, это не относится в запрету КГБ на расследование. Они скрывали что-то другое. Что именно, я так и не узнала. Когда выходила из дома фельдшера, ко мне подошли двое мужчин. Да, это были гэбэшники. Меня посадили в машину и увезли. А потом допрашивали несколько часов. По окончании допроса посоветовали больше никуда не лезть, ехать домой и не соваться в твое прошлое. Из чего я сделала два вывода: первый – с твоим происхождением не все чисто. То ли ты сын шпионов, то ли наоборот – контрразведчиков, но то, что дело скользкое, – это без сомнения. А второй вывод: если я хочу, чтобы ты у меня остался, если я вообще хочу нормально жить, работать, существовать, лучше эту тему не трогать. Совсем. Навсегда. И вот теперь ты, сынок, решил туда сунуть нос. Теперь понимаешь? Ты готов поставить на кон мою жизнь, жизнь Вари, Пети, свою жизнь? Рискнуть всем ради того, чтобы узнать, кто твои биологические родители. Готов?

– Мам, ты преувеличиваешь! – фыркнул я и укоризненно покачал головой. – Из тебя следователь так и прет! Умеешь ты нагнать жути! Только твоя пуля всего лишь сорвала мой эполет, поручик! Хе-хе…

– Да ну тебя, дурачок! – тоже фыркнула мама. – Сам-то скользкий, как угорь! Ты лучше скажи: что с поступлением в милицию? Так и будешь в своем зале прыгать? Тренировать дуболомов? Нужно настоящим делом заниматься! Кстати, а ты не думал о том, что некоторые из тех, кто у тебя тренируется, работают на криминал? Тебе это нравится? Ты же ненавидишь бандитов! Это не ты ли время от времени бродишь по улицам и караешь негодяев?

– Откуда ты знаешь?! – у меня отвисла челюсть. – Варя сдала?! Ну я ей задам!

– Варя в курсе, да? – усмехнулась мама. – Я так и думала. Нет, не Варя мне сказала. Ты забыл – я следователь. Пусть и бывший. Вычислила. Кое-какие наблюдения, размышления, сопоставление дат… характер повреждений тех, кого ты… наказал. Сынок, брось это дело! В одиночку мир не исправишь! Есть для этого организация, которая работает. Пусть и со скрипом, пусть все хуже и хуже, но работает! И если ты туда попадешь – уверена, принесешь пользы больше, чем сейчас, с твоими робингудскими штучками!

– Или джекопотрошительными… – хмуро заметил я. Мне все это не нравилось. Мама сумела выскочить из колеи неприятного разговора и молниеносно перевести его на мою личность, тут же заставив меня оправдываться и отвечать. Старая школа! Психолог! Любой опытный следователь – отличный психолог. А мама была среди лучших!

– Или джекопотрошительными, – кивнула мама и тут же пустила контрольный выстрел в голову: – И вообще, вы когда с Варей осчастливите меня внуками? Два года уже живете, и что? Плохо стараешься?

– Ма-ам! – я изобразил высшую степень оскорбленности, хотя внутри у меня все кипело от сдерживаемого смеха. – Как ты можешь?!

– Как угодно могу! – отмахнулась мама. – Чего таращишься? Дело житейское! Внуков хочу! Два года уже – и ничего! Может, вы больны? Душой. Потому что телеса у вас здоровее всех здоровых! Так что не надо мне втирать про то, что у вас никак не получается!

Мама была права. Я ведь Альфа. Во мне сразу несколько энергетических сущностей, то бишь Тварей. И я активированный Альфа. Как и мама. Как и Варя. Я их активировал. А меня – Белокопытов. А что такое Альфа? Это огромная скорость реакции, это сила, но самое главное – регенерация. Я могу выжить (и выжил!) после таких ранений, от которых обычный человек скончается в течение пяти минут. У меня за минуты затягиваются тяжелые раны, я могу не спать сутками, неделями – и не умереть от усталости. Я много чего еще могу, беда только в том, что и сам не знаю – что именно могу. У каждого Альфы это индивидуально, а такого Альфы, как я, в истории вроде как и не было. По крайней мере – это со слов моего Учителя. Я Супер-Альфа!

– Мам… мы решили подождать с ребенком, понимаешь? – я потупил взгляд. – Я решил! Варя хочет, но я решил – надо немного подождать. Вот устроюсь на работу… после того как разузнаю о родителях… и тогда уже… хм… вот так.

– Дурак ты, сынок! – вздохнула мама. – Я тоже так думала: вот сейчас я отучусь, и тогда… Поступлю на работу, и тогда… Вот поработаю, осмотрюсь, и тогда… А в конце концов…

– Осталась с подкидышем, – криво усмехнулся я, а мама рассердилась. Мгновенно. Вспыхнула, как факел!

– Никогда! Слышишь! Никогда так больше не говори! Ты не подкидыш! Ты мой сын! И все тут! Треснула бы тебя по башке! Вот только тянуться лень!

Мы синхронно фыркнули и снова замолчали. И тогда уже я решился:

– Мам… а может, ты братика мне заделаешь? Или сестренку? Ты теперь молодая, красивая. Замуж собралась. Так что…

– Ну, еще не замуж… – задумчиво пробормотала мама и тут же спохватилась: – Что значит «заделаешь»?! Что за жаргон! Тьфу! Да, мы с Петром Николаевичем решили пожить вместе… я у него поживу. Пока – у него. Глупо, наверное, на старости лет, но…

– Какая старость? – фыркнул я, ухмыляясь. – Да ты красотка, каких мало! И здоровья у тебя на десять человек! Мама, у нас впереди десятки, а то и сотни лет жизни, понимаешь?

– Понимаю… – вздохнула мама. – Помнишь историю про Вечного Жида? Про бессмертного, который был вынужден вечность скитаться по миру? И жить, жить, жить…

– Ты еще струльдбругов припомни, мамочка! – усмехнулся я. – В отличие от свифтовских героев, мы вечно молодые, здоровые, сильные! Чуешь разницу? Мам, может, хватит? Ты все время стараешься увести меня от темы моих биологических родителей. На все ухищрения пошла, чтобы выйти из колеи! Даже Петра Николаевича приплела! Я уже тебе десять раз говорил – хочешь, так

живи с ним! Сколько выдержишь. По-моему, он не тот человек, с которым ты сможешь прожить долго. Мягкий слишком. Ты же ведь железная леди! Тебе нужен такой, чтобы искры сыпались!

– Вот с таким я бы точно долго не прожила, – усмехнулась мама. – Кто-нибудь из нас в конце концов бы сломался – но не я! Или бы разбежались.

– Вернемся к главной теме, – криво ухмыльнувшись, предложил я. – Расскажи мне все, что ты успела узнать! Например, имена и адреса бригады «Скорой помощи». Только не говори, что ничего о них не помнишь! Что выбросила бумажки! Я тебя знаю как облупленную! Ты информацией не разбрасываешься! Ну, мам, давай, колись! Так ты когда-то говорила своим «клиентам»? Хе-хе-хе…

Глава 1

Я посмотрел наверх, на угол дома… точно, это он. Тот самый дом. Припарковал свою «девятку», благо что места предостаточно – это вам не Москва, это, можно сказать, окраина цивилизации. Шучу, конечно, но в каждой шутке есть доля… шутки. Неспокойно на Кавказе, так что до нормальной цивилизации ему далеко.

Чистенько на улице, на удивление. Почему-то я ждал, что в городишке на окраине страны будет мусорно и грязно. Стереотипы, наверное. Мол, самое лучшее – в Москве! Или в Питере. А остальное – мусорные города с мусорными людишками.

Волнуюсь. Почему-то волнуюсь. Вот сейчас я войду в дом, скажу, кто я такой, и мне сообщат: «Тебя тут искала одна женщина, говорит – мать! Адрес оставила». Нет, я не про мою маму – про другую женщину. Про биологическую мать.

Глупо звучит, да: «биологическая мать»! Ну а как еще называть? Я считал и считаю настоящей своей матерью… маму. А как может быть иначе? Если бы меня в школе не просветили насчет того, что я ей не родной, – до сих пор бы не знал. Жил бы поживал да добра наживал!

Кстати, насчет «добра» – пришлось еще пару месяцев ждать, пока закончу последний курс тренировок. Больше учеников набирать не стал. Сказал, что уезжаю в отпуск. Вот когда приеду, тогда… видно будет.

Варя расстроилась. Она хотела ехать со мной, но я настоял, чтобы жена осталась и присмотрела за моим названым братом – за Петькой, которого я некогда вытащил из детдома. В котором с ним обращались очень и очень плохо. Нет, не «сокамерники» – персонал. Пришлось мне пойти и поучить их уму-разуму. Теперь это лучший персонал детского дома во всей стране, а возможно – во всем мире. Я подсадил им по Твари, настроив ее на подчинение себе. Тварь управляет человеком, я управляю Тварью – гармония, однако! Если при этом задать Твари верные жизненные установки – все получится очень хорошо. И получилось.

Петька за эти два года отъелся, вымахал в рост, и в свои пятнадцать лет выглядел совсем уже взрослым парнем. Мама его усыновила, хотя и стоило это большого труда – использования связей и серьезных взяток, но закончилось все очень хорошо. Петька остался с нами. Он тренировался, ходил в школу, помогал мне в работе и навещал бывший свой детдом, где на добровольных началах стал для детей кем-то вроде учителя физкультуры. Воспитывал, так сказать, своих соратников. Обучал их почти всему, чему научился у меня. Кроме особо злостных боевых приемов, конечно.

Завершив дела, удостоверившись, что мои близкие будут жить вполне себе безбедно, я отправился в дорогу. Не с легким сердцем. Накануне Варя закатила мне сцену, со слезами, причитаниями и успокоилась только к ночи, проведенной нами бурно и яростно. И сладко. Так что уснули мы только под утро, и выезжать мне пришлось не на рассвете, как я планировал, а гораздо, гораздо позже – к обеду, если быть точным. Пока поспал, пока позавтракал – Варя без завтрака отпускать категорически отказалась.

Тут же ошивался и Петька, который официально жил в бывшей моей комнате, в маминой квартире. Петька сидел хмурый и на меня не смотрел. Он тоже просился со мной, тем более что занятия в школе окончились – каникулы, так почему бы не прогуляться с названым братом и не поиграть в сыщиков?

Честно сказать, была у меня мысль взять его с собой, но потом я от нее отказался. Мало ли что мне предстоит, а подвергать Петьку опасности будет в корне неверно. Парень и так хватанул горя, только-только начал жить по-человечески. Втягивать его в неприятности – это надо быть последним

негодяем.

Нет, так-то мне совсем не помешал бы в машине спутник, с которым можно поговорить обо всем на свете, – Петька был живым, умненьким парнишкой, он много читал и много знал. Настолько много, что я иногда даже удивлялся: взрослые люди знали меньше, чем он! Впрочем, дело ведь не в том, сколько тебе лет. Дело в том, хочешь ли ты знать. А Петька хотел. И знал.

Когда машина уже катилась по загородной трассе, я вдруг остро ощутил отсутствие близких, с которыми не расставался все последние годы даже на неделю. И у меня испортилось настроение. Даже странно, каким домоседом я стал! А ведь раньше, в юности, спокойно уезжал на соревнования по боксу, на сборы – и ничего! Уехал – приехал, «Пока, мам!», «Привет, мам!».

Как-то об этом раньше и не задумывался. Глупый был, наверное. Теперь – взрослый и мудрый.

Я ехал до самой ночи, а потом еще несколько часов, до тех пор пока на дороге не остались самые упертые дальнобои… да безумцы вроде меня, которые вечно несутся вперед, будто надеясь догнать упущенное время. Я бы мог ехать беспрерывно сутки, двое, трое – в конце концов, я же Альфа. Могу не спать неделю напролет, могу сбрасывать усталость, не замечать ее. Но вот только зачем? Часа три-четыре сна мне вполне достаточно для того, чтобы восстановиться, и не будет лишнего расхода энергии.

Вообще-то ее надо беречь. Мой организм тратит энергию быстрее, чем обычный человек, так что мне нужно питаться чаще и обильней (долой диеты!). Скорость, сила из ничего не возьмутся. На них нужно тратить энергию. А потому – каждые три часа (примерно) я останавливался у придорожных кафешек, как следует ел, до отказа набивая желудок, и ехал дальше, пришпоривая свою красную «лошадку».

Вообще-то я мог бы очень долго прожить и впроголодь (со слов Белокопытова), но при этом в конце концов выглядел бы как мумия фараона, стал бы таким же молчаливым, сухим и бестолковым. Но в отличие от мумии, оставался бы живым. Если бы нашелся знающий человек, который поместил бы мой хладный «труп» в ванну, наполненную чем-то вроде бульона, то я бы в конце концов ожил, получив питание и воду прямо через кожу.

Вот такое я странное и даже страшное существо. Убить которое можно только одним способом – раздробив мне голову и разбросав мозги по сторонам. Или отрубив голову и раздробив ее на кусочки – что, впрочем, почти одно и то же. Не знаю, верить в этом вопросе Белокопытову или нет, но даже моя отрубленная голова будет жить бесконечно долго! И может отрастить себе новое тело! Смешно, конечно: откуда голова возьмет питание? Как ее кормить? Для построения тела нужны «стройматериалы», так где их взять?

Если, опять же, верить Белокопытову, стройматериалы при желании можно получить напрямую, не используя «посредников» в виде растений и животных. Ведь те же растения получают элементы непосредственно из почвы! Растения поедаются животными, ну и, само собой, людьми. Люди поедают животных, которые поедают растения, которые добывают питание из земли. Так вот – если исключить всю цепочку и дать возможность существу получать питание напрямую из земли, то… Нет, я не собираюсь жрать грязь вместо котлеты и картошки пюре. Пусть землю жрет Белокопытов, если он уверен, что ему это не повредит. Честно сказать, я тоже уверен, что мне это не повредит, однако отказываюсь жрать чернозем, как поганый дождевой червяк! Поверю Учителю на слово.

Меня не берут болезни, меня не берут раны – даже неинтересно! Хе-хе… шучу, конечно. Приятно чувствовать себя Вечным! И опять – не надо про струльдбругов! Я вечно молодой! И у меня вечно молодая мама, вечно молодая жена! А когда родится ребенок – он тоже будет вечно молодым! И внуки! И так мы постепенно заполоним всю Землю! Род Карповых – целый народ бессмертных! Мы можем путешествовать к звездам, можем улучшать жизнь людей, проникнув во все сферы управления. Ведь мы умные! За нами будет весь опыт поколений!

Главное, чтобы о нас знало как можно меньше сторонних людей. Увы, наша неуязвимость и долгожительство может очень кому-то не понравиться. Или наоборот – понравится, и нас попробуют разобрать на кусочки, чтобы найти причину нашего долголетия и здоровья. А когда выяснится, что сделать это могу только я или подобные мне, нас будут искать, на нас будут охотиться, чтобы заставить сделать вечными избранных и сделать так, чтобы никто, кроме избранных, не стал вечным.

Не зря Белокопытов время от времени исчезает – меняет документы, меняет жизнь. Вот только почему он никогда не активирует своих жен и детей – этого

понять я так и не смог. Философствует, рассуждает о том, что не вправе делать их такими, как он сам, что не все выдерживают испытание подселенными к ним Тварями, и все такое прочее.

Я читал все это в его тетрадях. Вот только не понял – почему он не может сделать так, чтобы подсаженные им сущности пошли по «правильной дорожке»? Я-то могу это делать! Нет, ну я понимаю: если просто так взять и подсадить Тварь, то человек запросто может скурвиться, если в нем есть гнильца. Если в душе его есть зло, то с помощью Твари это зло разовьется в настоящее Зло! Это ясно как божий день!

Твари по большому счету все равно чем питаться – положительными эмоциями или отрицательными, только сдается мне, что отрицательные эмоции питательнее для энергетических вампиров. Вкуснее. Сытнее. И потому Твари, если их не взнуздать, превратят человека в монстра, негодяя и убийцу, в настоящего маньяка. Что совсем не редко бывает.

Так что я какой-то особый. КТО я?! Вот теперь и узнаю – кто. Наверное, узнаю.

Ночь проспал без приключений. Остановился возле автозаправки, на свету, рядом с десятком мирно спящих фур. Откинул спинку пассажирского сиденья, снял подголовник, застелил спальным мешком, улегся и блаженно вытянул ноги. Хорошо быть суперменом, но комфорт ведь никто не отменял! Вообще-то хотелось бы лечь в настоящую кровать, где-нибудь в придорожном мотеле. Но оформляться, заморачиваться ради трех-четырех часов?

Или я совсем уж из нищебродов (что так и есть по большому счету), или ленив без меры (что тоже частично правда), но только мне проще улечься вот так, в своей машинке, и блаженно вытянуть ноги. Даром что они упираются в панель и приходится совать их под нее. Ну что теперь сделаешь – такой вымахал, отрастил ножищи!

Тронулся в путь, когда солнце уже поднялось над горизонтом. Вокруг – поля, поля, поля… Кубань! Житница, или как там ее? Жарко. Очень жарко! Калмыкию прошел ночью – душно, да, но все-таки сильной жары не было. А вот теперь… солнце просто-таки вбивает сияющие гвозди в крышу машины!

Приеду – куплю иномарку! В конце концов, я что, нищий? Не могу себе позволить купить машину с кондиционером?!

Замучила эта жара! Горячий воздух не остужает, а ветер за окном приносит пыль, тут же осаждающуюся на потной коже. Отвратительное ощущение!

На место прибыл уже глубокой ночью. Опять же – из-за того, что приходилось часто останавливаться на перекус. М-да. Трудно жить на свете пионеру Пете… сидит в нем Тварь, которая хочет, чтобы ее носитель жрал, жрал и жрал. А если этих Тварей три? А если больше? Я улей какой-то, а не человек! Монстр!

Пришлось пристроиться на окраине, возле какого-то забора промбазы и улечься спать. Ну не ночью же искать гостиницу в незнакомом городе?

Искомое нашлось утром, когда я немножко злой и мечтающий о горячем душе и фаянсовых удобствах проехался по центру городка. Обычная провинциальная гостиница, но с претенциозным названием «Гранд-отель». Небось раньше называлась «Кубань» либо «Дом колхозника». А теперь вон оно что! Гранд!

И цена, кстати, я бы не сказал, чтобы особенно маленькая. Не по заслугам цена, точно!

Впрочем, то, что мне нужно, здесь все-таки имелось. Горячий душ и даже ванна, вполне приличная двуспальная кровать (как бы намекающая и зовущая), даже импортный телевизор «Голдстар», под которым не было гнезда тараканов. Не было и следа от клопов, и даже унитаз сиял белизной снега на вершинах Кавказских гор. Вот такое сочетание провинциальности, цены и чистоты. Вполне меня устраивавшее – на сто десять процентов.

Я с наслаждением помылся, приняв душ, – ванну решил оставить на вечер, когда набегаюсь по городу. Переоделся, сняв с себя запыленное, пропотевшее барахло, и, уже чистый, благостный, отправился завтракать в кафе, замеченное мной по соседству с «Гранд-отелем». Кормили здесь очень хорошо, и я бы не сказал, что дорого. Взял дагестанские пельмени с бараниной (они называются курзе), чашку борща, горячего чаю и с наслаждением все съел, выпил, решив взять себе на заметку это заведение и нагрянуть в него вечером, когда освобожусь. Давно таких вкусных пельменей не ел! Люблю баранину – сам не знаю почему. Вот мама терпеть ее не может, говорит – воняет! А мне нравится. А

сало терпеть не могу, жареное и вареное. Соленое вполне по вкусу.

Занятый гастрономическими мыслями, открыл дверцу моей «девятки», притулившейся возле входа в гостиницу, и едва не ахнул – из салона давануло такой жуткой жарой, будто это была не машина, а настоящая духовка! Поскорее открыл все окна, подождал, чтобы вышел горячий воздух, и уселся за руль, обжигаясь о него, как о горячий пирог, шипя и торжественно обещая себе купить приличную машину.

На ходу немного обдуло ветерком, и дальше поездка стала вполне терпимой. Путь мой лежал по адресу, где некогда жила фельдшерица, которая отвозила меня, младенца, в больницу. Я не знаю – жива она сейчас или нет, живет там или переехала, но другого адреса у меня все равно не имеется. Так что вначале – туда. А потом уже – и в больницу, поговорить с врачами, и в милицию – тут у мамы какой-то знакомый майор, она с ним познакомилась, когда была в командировке. Тогда он был обычным летехой. Впрочем, и сейчас не особо приподнялся, почти за двадцать лет службы – и только майор! Хотя что я знаю о местных реалиях? Может, здесь подпол или целый полковник стоят огромное состояние! А то, что все здесь продается и покупается (а особенно должности), – это не секрет. Кавказ, однако. Тут свои законы и свои правила.

Как проехать до нужного места, я узнал в кафе. У официантки. Девушка восточной внешности с густым кавказским акцентом вполне себе умело рассказала, как проехать до названного ей адреса, и даже не перепутала право и лево, как это делают многие женщины (факт!). Я всегда опасался и опасаюсь брать в провожатые женщин, по причине их абсолютной географической импотенции, но это было редкое исключение. Пришлось оставить приличные чаевые – просто от неожиданности и нечаянной радости. На что официантка едва не обиделась, настолько была удивлена. Ей-ей, на окраинах страны еще встречаются приличные люди, которые не хотят жить на халяву. Ну… по крайней мере я на то надеюсь.

Когда припарковал «девятку» возле дома на окраине города, сразу обратил внимание на добротность строения. Хороший домик. Покруче, чем у Белокопытова. Впрочем, Белокопытов строил так, чтобы дом не бросался в глаза, здесь же, на Кавказе, принято жить так, чтобы все видели – ты умеешь зарабатывать деньги и умеешь жить. А значит, ты чего-то добился, значит, ты уважаемый человек. Понты раньше их родились, как говорится. Я не раз и не два встречал в своей жизни кавказцев, и с некоторыми дружил, потому могу сказать

с полной ответственностью: бахвалиться, то есть «понтоваться», это их стиль жизни. И делают они это не ради того, чтобы осмысленно чего-то добиться. Просто они такие. И не важно, кто они. Дагестанцы, армяне, чеченцы или русские, прожившие в этих краях всю свою жизнь. Они – вот такие.

Высокий забор, ворота, украшенные узором из металла (у всех такие! Даже при самых убогих домиках!), двор, накрытый навесом, два этажа – кстати, вокруг одноэтажные домишки. Зажиточные люди в двухэтажке, точно. Фельдшерица из «Скорой помощи»? Как это она заработала такие деньги, работая простым фельдшером «Скорой помощи»? Удивительно. И подозрительно. Почему подозрительно? Сам не знаю. Все, что отличается от среднего уровня, вызывает у меня подозрение.

Позвонил в звонок, приделанный рядом с воротами. Долго никто не откликался, и я некоторое время наслаждался запахом цветов и солнечными лучами, которые ласкали мою макушку. Наконец через пять минут ожидания калитка в воротах приоткрылась, из нее выглянула молодая девушка, лет восемнадцати на вид. А может, и помоложе – кавказские женщины всегда выглядят старше своих лет, национальная черта. Рано созревают, рано старятся.

– Вам кого? – девушка была мила и улыбчива, что тут же и доказала, обнажив все тридцать два великолепных белых зуба. Ну… может, и не тридцать два я сумел увидеть, но то, что увидел, выглядело великолепно. С зубами у девицы явно все было в порядке. Здоровая, ухоженная девушка из обеспеченной семьи. По всему видно.

Я уже привычно мгновенно просканировал девушку на содержание в ней Твари, ничего такого не обнаружил и тут же пояснил причину моего визита:

– Здравствуйте. Мне нужна Асият Балоева. Это ваша мама? Я могу с ней поговорить?

– Мама. Вы пройдите, я сейчас ее позову. Пройдите во двор. Только недалеко, тут у нас собачка, как бы не укусила. Я сейчас!

Девушка исчезла за калиткой, а я осторожно, помня предупреждение о любительнице кусать гостей – собачке, – просочился во двор. Так-то я собачек не боюсь и, скорее всего, успею принять меры и разбить башку агрессивной псине,

угрожающей моей жизни, но начинать общение с того, что ты прибьешь собаку хозяев, будет как-то не очень этично. Ну, мне так кажется.

Собачка?! Цербер! Я люблю больших собак, большие машины, большой бутерброд. Но эта собака была не просто большой – это монстр! Кавказская овчарка весом килограммов в сто! Какие там питбули?! Какие там американские бойцовые собаки?! Эта может жрать их, как таблетки! И не дай бог порвется цепь, на которой она сидит, – справлюсь, да, но потом придется восстанавливаться после глубоких разрывов и отрывов. Не хочется, однако!

Собака смотрела на меня молча, почти молча: кроме клекота в могучей бочкообразой груди – никаких звуков. Только хриплое, полное сдерживаемой ярости и ненависти клекочущее рычание.

Попробуйте, супостаты, пройти мимо этого чудовища! Не удивлюсь, если узнаю, что его спускают на ночь… С такой охраной и автомата не надо!

Не знаю, что меня дернуло, но я вдруг сделал несколько шагов вперед, подойдя почти к самой границе пространства, по которому передвигалась овчарка, и вперился взглядом в ее глаза. В маленькие бесцветные глазки, в них билось адово пламя. В глаза убийцы на четырех ногах.

И собака сдалась. Рычание затихло, псина вдруг села на задние лапы и тихо, едва слышно заскулила. Огромная «гончая Ада» сидела передо мной, как щенок, ожидающий ласки!

Я – Альфа. А значит – все, кто не Альфа, имеют шанс попасть под воздействие моей личности. С людьми это сложнее – все-таки они более высокоорганизованные существа, притом индивидуалисты. Собаки – стайные животные. И если приходит вожак стаи, альфа-самец, они или кидаются в драку, или подчиняются. Этот кобель – подчинился.

Я подошел ближе, совсем вплотную, и погладил огромную лобастую башку. Пахло горячей псиной, из собачьей пасти несло какой-то тухлятиной (только что покушала собачка, точно!), а серый лохматый хвост шевельнулся и сделал несколько движений туда-сюда, явно поощряя ласку Вожака.

– Ай! – раздался вскрик. Я поднял голову и увидел женщину лет пятидесяти, которая схватилась руками за щеки в немой сцене удивления. – Отойди от него, скорее! Порвет! Он злой!

– Да не порву я никого, – я ухмыльнулся своей шутке, – добрый я! Совсем не злой!

– Я про собаку говорю! – не приняла или не поняла шутку женщина. – На днях соседский пес зашел, так он его разорвал! Все боятся! Я сама иногда боюсь – мимо проходишь, когда он кость грызет, так как зарычит – у меня аж ноги трясутся! Если бы не муж, я бы его давно в горы отдала, в отару! Пусть там бегает! Волков дерет! Зачем дома такой огромный?! Так ты к кому пришел? Дочка говорит, меня искал.

Я еще раз погладил голову пса и, шагнув к женщине, представился:

– Анатолий меня зовут. Карпов. Поговорить с вами хочу. Вы же работали фельдшером в семидесятые годы, так? На машине «Скорой помощи»?

Женщина явно насторожилась, брови ее сошлись вместе, и она внимательно осмотрела меня сверху донизу:

– Работала. И что?

– Вы возили в больницу ребенка, грудного ребенка, что нашли на обочине после аварии. Ну, тогда, когда сгорела машина! Бензовоз, «КрАЗ», ее раздавил, а потом и загорелся. Вы выезжали на место. Вспомнили?

– Зачем тебе это? Ты кто вообще такой? – женщина внезапно рассердилась, и мне было совершенно непонятно почему. – Уходи! Ничего тебе не скажу! Вон отсюда! Сейчас мужа позову, он тебе покажет! И сына! Он в милиции работает! Уходи отсюда!

Я не был ошеломлен напором, хотя и не ожидал чего-то подобного. Мама популярно мне рассказала, что было во время ее визита к фельдшеру. Ее встретили примерно так же, притом что мать тогда служила в милиции, ходила в форме, а люди Кавказа вообще-то уважают власть.

– Подождите! Я не желаю вам ничего плохого! Я тот самый мальчик, которого вы отвезли в больницу! Просто расскажите мне, что видели, и все! Больше ничего не требуется!

Женщина замолчала, пристально посмотрела мне в глаза, пожала плечами:

– Да что я видела-то? Ну да, мальчик лежал на обочине. Да, мы отвезли его в больницу. Здоровый, ухоженный мальчик. Никаких примет не было. Все! Больше ничего! Уходи, пожалуйста, нам нельзя говорить ни с кем, кто придет…

Женщина осеклась и махнула на меня рукой:

– Уходи!

– Да хотя бы скажите, кто еще может что-то пояснить! – взмолился я. – Ну хоть кто-то! Кто в милиции работал в то время, кто был на месте!

– Не знаю ничего! Никого не знаю! – Женщина поджала губы и снова махнула на меня рукой: – Уходи! Ну что мне, сына позвать? Чтобы он тебя выгнал?!

– Позовите, – пожал плечами я. – Вдруг он подскажет, кто может еще что-то рассказать, кто работал в милиции в то время.

Женщина молча смотрела на меня. Я не отводил взгляда. Видно было, что она на что-то решается. Потом женщина помотала головой и тихо бросила:

– Через три дома от нас, там, где зеленая водяная колонка, живет Ахмед Сатоев. Вот к нему зайди. Только он тоже ничего не скажет. Почему? У него спросишь.

Женщина повернулась и пошла в дом, а я несолоно хлебавши поплелся на выход со двора. Впрочем, разве несолоно? Вполне себе приличный результат – цепочка-то потянулась! И правда, а почему я расспрашиваю только медработника? Милиция-то раньше приехала! Может, сотрудники милиции что-то видели? Или знают?

Дом Сатоева был, конечно, пониже и пожиже, чем тот дом, в котором я только что был, но вполне крепок, ухожен и построен по всем кавказским канонам – как

и предыдущий. Те же ворота с узором, почему-то сразу наводящие на мысль о кладбищенских воротах, тот же накрытый навесом двор, пышные виноградные лозы, бетонированный пол под навесом. Только кавказской овчарки нет. То ли не любит хозяин собак, то ли не завел после смерти предыдущей – проволока, по которой та бегала, и цепь с будкой имеются. Здоровая такая будка, не под болонку, точно.

Хозяину дома лет под шестьдесят. Если он работал в то время в милиции, тогда, наверное, в звании не меньше капитана – что и выяснилось буквально после первых же минут разговора.

– Пойдем! Чай пить будем! – Хозяин дома, крепкий, жилистый мужик, повел меня за собой. Через пять минут я уже сидел за столиком в саду, в тени виноградных плетей, а замотанная в платок молодая женщина (то ли жена, то ли дочь, то ли невестка) разливала по кружкам чай и гремела на кухне чашками и плошками. Буквально через пять минут она выставила на стол сковороду, в которой оранжевыми островками среди белого моря торчали яичные желтки. Я знал, что это жареная на сметане яичница, на Кавказе любят такое блюдо. Я не был голоден – всего час назад поел в кафе, – но, чтобы не обидеть хозяина, согласился съесть пару кусочков. А потом мы пили чай. Хозяин предлагал выпить водки, он явно был любитель этого дела, но я отказался, сославшись, что приехал за рулем и никогда не сажусь за руль пьяным. Что хозяин воспринял очень одобрительно.

Кстати, всегда удивлялся хитрости человеческой. Вот угощавший меня хозяин: он считает, что пить вино Коран запрещает, а водку пить – не запрещает! Ведь водка-то не вино! Про водку в Коране ничего не сказано! Ну чем не хитрость? Даже Аллаха обмануть хотят, чего уж говорить о людях?

– Да, правильно не пьешь. Пьяный за рулем – преступник! – одобрительно бросил хозяин дома и утвердительно покивал. – Вот, говорят, и шофер на «КрАЗе» был пьяный. Выскочил на трассу – и раздавил твоих родителей, да! Проклятый… Я тогда дежурил в ГАИ, выезжал на аварии. Звонят с ноль-два, мол, высылайте на трассу; позвонили с заправки, что чуть дальше на перекрестке – авария страшная! Я и еду! А там все уже горит! Кипит – аж подойти нельзя! Потом смотрели – от «Жигулей» почти ничего и не осталось. И как ты уцелел – только Аллаху ведомо. Пламя тебя на тронуло, до тебя не дошло. Ну вот и все. Больше и сказать ничего не могу. Я на пенсии уже давно, по выслуге лет. Как только выслужил, тут же меня и отправили.

– А к вам не приходили насчет этой аварии? Ну… кто-нибудь? Мол, не рассказывать никому?

– Приходили. Я обещал не рассказывать, да. Только сколько времени-то прошло? Двадцать лет почти! Того и государства уже нет! Развалили, подлецы! Да и плевал я на них! Что они мне сделают? Я пенсионер, а пенсию у меня никто не отнимет! Заработал!

– А что скажете насчет «Скорой помощи»? – внезапно спросил я, прервав поток обличений на тех, кто развалил государство. – Насчет врачей? Ну вот фельдшерица, соседка ваша, что о ней скажете? Она меня к вам и отправила, а сама ни слова не сказала. Прогоняла меня! Говорит – запретили ей про меня рассказывать!

– Может, и запретили. Мне-то тоже запретили! Но только мне плевать, а ей – нет. У нее сын в милиции работает. А знаешь, как у нас сложно в милицию попасть? Сколько надо денег отдать? В советское время все-таки было легче. Можно было даже просто так – взять и устроиться в милицию! Без взятки! Без подарков! Главное, чтобы армию отслужил, а оттуда уже и можно. А теперь что устроили? На работу простым постовым милиционером попробуй устройся – такую взятку спрашивают, аж глаза на лоб лезут! Сына хотел устроить, так они столько запросили – это просто совести нет! Сталина на них нет! И Берия!

Я оставил без внимания ностальгически-сталинистские высказывания и вернул беседу в нужное русло:

– Ну так что насчет фельдшерицы? Что она скрывает?

– Видно, есть что ей скрывать! – прищурился бывший гаишник, явно недолюбливающий семейку бывшей фельдшерицы. Хотя бы за то, что она нашла денег на взятку, а он, гаишник, пусть и бывший, – нет! Несправедливо, однако! – Странно с ней все… – пожевал губами мужчина. – Нищие ведь были. А потом как-то и разжились. Клад нашли? Сына устроила в милицию, дом построили. На какие деньги? Откуда?

– Может, что-то еще вспомните? Откуда ехали на «Жигулях», к примеру! Может, что-то странное в это время случалось в округе?

Хозяин дома задумался, потом брови его поднялись:

– Знаешь, а ведь было. Я потом разговаривал с одним человеком, вместе тогда мы работали в райотделе, старший участковый он был. Так вот, рассказал он, что выезжал на происшествие. Двух мужчин нашли – без сознания. В лесу. И странные они были люди – в несовременной одежде, вроде как вырядились для кино. И оружия у них была куча – да только все старинное. И такое, какого у нас на Кавказе не куют. А он разбирается в оружии – коллекционирует. Он тоже уже на пенсии, и бояться ему нечего. Поговори с ним, может, он чего тебе расскажет. Асланбек Миржоев. Я тебе адрес его дам, он на другом конце города живет. Вот с ним и поговоришь, может, что и расскажет. Еще чаю налить? Давай еще! Посиди, отдохни – успеешь к Асланбеку. Все равно он после обеда спит – терпеть не может, когда его будят. Посиди, чаю попей, о международном положении поговорим. Вот ведь что Америка делает! Секир башка ей надо! И в землю зарыть! Лучше – живьем.

Еле вырвался. Пенсионеру было скучно, не с кем поговорить (ну не с женщинами же обсуждать политику!). Я это понял и решил чуть-чуть подыграть злому дедку, о чем потом сильно пожалел – никак не мог закончить беседу и вырваться. Но уйти без разговора было бы невежливо, это обидело бы хозяина, дед этого не заслужил, а как не уйти – время-то идет, дела надо делать, а не обсуждать «мерзких американашек» и гнусную Европу.

Наконец, отбившись от дополнительного угощения в виде второй порции яичницы, которая явно была фирменным блюдом в этом доме, я все-таки покинул гостеприимного хозяина и отправился на другой конец города, к Асланбеку Миржоеву.

Да, это не Москва. И даже не Саратов. До другого конца города – меньше получаса. Ни пробок, ни заторов. Пенсионер рассказал, как проехать, – гаишник, ну что еще скажешь, умеет выстраивать маршрут! Даже нарисовал, так что я выскочил к дому бывшего участкового вообще без проблем, даже искать особо не пришлось. Опять же – был ориентир, эдакая круглая башенка на крыше дома. Зачем он эту башенку приделал, не знаю. Единственное, что приходит в голову, – для установки пулемета. С этой башни, больше похожей на сторожевую вышку, можно видеть все подходы к дому – даже через соседские участки. Очень удобно простреливать всю эту территорию.

Кстати, тут есть некая тенденция: чуть человек приподнялся, занял «хлебную» должность – строит дом. В пятиэтажках живут только совсем нищие. По крайней мере, мне так показалось. Кавказ!

Асланбек был полной противоположностью бывшему гаишнику – внешне. Полный, бочкообразный, задыхающийся на жаре, в отличие от гаишника – сухого, кряжистого, жилистого. Но насчет гостеприимства – никаких отличий. Узнал, что направил меня к нему старый знакомый, можно сказать товарищ, и, не слушая моих возражений, потащил за стол. Кавказ, однако! Дагестанец не может отпустить гостя без стола! Пусть даже и незваного гостя. Опять же – скучно. На пенсии – какие дела? Только телевизор, но там ведь все врут, лучше услышать от человека, который только что приехал из России!

Пришлось полчаса проговорить ни о чем, прежде чем перейти к настоящему делу. Поговорили о политике, поругали продажных политиков, портящих страну, поговорили о разгуле бандитизма в контексте того, что прежняя власть никогда бы этого не допустила. Расспросил меня, чем занимаюсь, и, когда узнал, что я окончил юридический и хочу устроиться в милицию, уважительно зацокал языком и поощрительно похлопал по плечу, мол, молодец! Спрашивать, сколько стоит у нас устроиться в милицию, он не стал. Хотя явно хотелось. Кавказ, тут по-другому и не бывает! Не подмажешь – не поедешь. Интересно же, как это все делается у других!

Когда я наконец-то перешел к основному вопросу, бывший участковый нахмурился:

– Еще бы я не помнил! Меня подняли посреди ночи – давай езжай! Там бойня какая-то! Начальства еще наехало – целая куча! Всех, кого нашли, всех собрали! Приезжаю – пока доехал, пока что… «уазик» у меня старый, пердит, не едет! Свеча не работала, потом узнал. Ну и вот – приезжаю, а там местный бежит, пастух, кричит: «Убитых много!» Я думаю – каких убитых?! А я пистолет не взял! Кто ж знал?! Тогда ведь как было – ребенок ходит по горам, никто не тронет! Девочка ходит – никто не тронет! А теперь?! Вот что со страной сделали, бараны!

Еще минуты три бывший милиционер рассказывал о нетрадиционной ориентации нынешних руководителей страны, потом снова перешел к делу. Я не торопил. Надо человеку дать выговориться, пусть выдаст то, что знает. А потом помочь ему наводящими вопросами – вспомнить то, что подзабылось. Но только

не так, чтобы вместо получения информации внедрить ему в голову свои мысли. Ну, например, если показать не уверенному в своих показаниях свидетелю фото человека, которого вы подозреваете, и сказать, что, вероятно, это и есть преступник, да еще и нажать: «Узнаете?!» – то скорее всего он и на самом деле «узнает». И грош цена тогда такому свидетелю.

Поругавшись, бывший милиционер снова перешел к делу:

– Видим – трупы валяются! Зарубленные! Заколотые! Крови – море! Куски мяса! Кишки! Уж сколько я перевидал трупов – и то меня чуть не вырвало! И лежат двое живых – два мужчины! Один безоружный, сильно пораненный, но дышит. И второй – с саблей в руках – тоже раненый, весь изрезанный, но тоже живой. А! И еще младенец. В пеленку завернутый, смотрит, глаза таращит! И знаешь, что скажу? Думаю – это они младенца защищали. Трупы все – как ниндзя. Видел в кино ниндзя? Ну, черные такие, глаза одни видно? Вот! И эти такие, только морды не закрыты, а разрисованы. И с ножами все. Длинные такие ножи, как кинжалы! У каждого по два ножа! А! Еще третий был мужчина, только мертвый. Накрошил он ниндзей – целую кучу, но они его все равно зарезали. Кучей навалились, точно.

Мужчина задумался, видимо вспоминая, замолчал. Взглянул на меня, помотал головой:

– Ох и трупов было! Полсотни, точно! Или сотня! Сосчитать нам не дали. Забыл! Ох, забыл самое главное! Женщины были! Девушки! В старинной одежде, сейчас так не ходят. Сейчас все ляжки показывают, совсем стыд потеряли! А эти были одеты, как настоящие кавказские женщины, – головы покрыты, юбки длинные, до земли! Одна младенца-то и держала. Так что получается – мужчины не только младенца защищали, но и женщин! Настоящие мужчины! Только без памяти они лежали. Досталось им. А один живой странный был такой – я, когда смотрел его раны, обратил внимание, что он весь в шрамах. Ну весь! Как будто его нарочно резали ножом, а потом все зажило. Давно зажило. И лицо все в шрамах. И под бородой шрамы. И на голове. И на шее. Я щупал, знаю. И одежда – тоже странная! Представляешь, у них все на завязках! Ни пуговиц, ни молний – все на завязках!

– Они что-то говорили? – не выдержал я, направляя в нужную сторону. – Кто они, откуда?

– Кто, трупы? Хе-хе-хе… шучу! Тут странное дело было. Женщины стоят – и ничего не понимают. Я им что-то говорю, а они только таращатся! В ребенка вцепилась и стоит! Что делать? Ну я и сказал, что надо отвезти их в больницу. В город. Сажаю в «уазик», везу. Со мной дежурный опер из РОВД. И только выехали на трассу – этот шайтан сдох! Нет, не опер! «Уазик»! Заглох и не заводится! А ребенок плачет! Бабы эти сидят, как куклы, таращатся, ни слова не говорят! И что делать? Я торможу на дороге «Жигули», сажаю опера, баб с ребенком и отправляю в город. А дальше уже сам знаешь – погибли все. Жалко так – опер молодой совсем, я его отца знал. Потом узнал – ребенок-то и выжил! И говоришь, это ты? Вот чудо! Парень как парень! Жалко, что рассказать не можешь, откуда взялся.

– А эти мужчины, куда они делись? Живые. Они ничего не сказали?

– Я «уазик» наладил, завел все-таки, вернулся на место бойни. Один парень так и лежит без памяти, второй вроде очнулся. Я ему водички из бутылки в рот полил, на лицо – вроде немного отошел. Вопросы задаю – не отвечает, таращится, как те бабы. Вроде как не понимает слов. И вообще ничего не понимает. А потом приехали комитетчики, нас всех оттуда поперли. Место оцепили солдаты, больше ничего не знаю. Вот такая история!

– Совсем ничего? А куда мужчин тех потом дели? Неужели вы, такой опытный, такой знающий сыщик, и ничего не узнали? Да ни в жизнь не поверю!

Толстяк довольно усмехнулся, подмигнул:

– Узнал. Случайно. Подсказали. Отвезли их в дурдом – в Краснодар. В психбольницу, если говорить точно. А больше уже и не знаю. Ну что, еще чайку? Или покушать чего?

Покушать я не пожелал, чаю во мне за сегодняшний день побывало столько, что можно наполнить им целый ров. Потому я быстренько, почти с содроганием отказался и покинул гостеприимного хозяина, слегка опечаленного исчезновением интересного собеседника. Интересность моя, видимо, заключалась в том, что я молчу и не перебиваю излияния партнера.

День склонялся к вечеру, а в городе по большому счету делать мне было уже и нечего. Заехать в гостиницу, забрать вещи да и валить отсюда – в ночь. К утру я

буду уже в Краснодаре. В больницу ехать, думаю, без толку, в милицию – тоже. Ничего они там не знают. Если комитетчики поработали – ловить здесь больше нечего.

Доехал до гостиницы, припарковался… и внезапно решил не пороть горячку, а как следует отдохнуть и обдумать то, что мне предстоит. Решив, набрал себе ванну и отмокал в ней два часа, слушая новости, несущиеся из включенного телевизора, и разбирая варианты дальнейших действий.

Потом пошел в кафе, благо оно еще работало – лето, темнеет поздно, а вечер – это самое лучшее время, чтобы посидеть за столиком в кафе. Днем жарко, солнце печет, а вечером обдувает ветерок и жизнь становится гораздо, гораздо лучше!

Но явно не у всех, потому что кафе полупустое, и это очень странно, помня о том, что кормят здесь недорого и очень вкусно. Разговорился с той самой официанткой, что этим утром направила меня по верному пути. И девушка мне рассказала, что такие кафе, как у них, в большинстве своем прогорают. Вот если бы оно стояло где-то на трассе, тогда да. А так, в провинциальном городке, – кто сюда пойдет? Местные? Так они дома едят. А выпивать и развратничать ходят в другие места. Хотя это у них очень даже не поощряется. У местных мусульман, коих в городе большинство. Особо злостным гулякам могут и башку отрезать. Времена такие пошли. Влияние ислама усилилось, молодежь стала истово верующей, если где-то и пьют, хулиганят – так только не у себя на родине, не здесь.

«Ага! – подумалось мне. – К нам приезжают гадить! Как будто Аллах не видит, когда они барагозят где-нибудь в Москве или в Саратове». Впрочем – вслух этого не сказал. Зачем? И так все ясно, а разрушать тишину вечера этим негативом мне совершенно не хотелось.

После ужина потащился в номер и лег спать. Хотел пройтись по городу, посмотреть, как живут люди и нет ли среди них Тварей, но передумал – на кой черт они мне сейчас сдались? Пусть со своми Тварями справляются сами. Мне лучше не светиться. А то – приехал некий чужак, русак, и после его приезда в городе случилась пара неприятностей. Челюсть сломали или вообще наповал убили – кто бы это мог сделать? Ну не местный, точно! Чужак! Лови его!

Нет уж, отсижусь в номере и завтра спозаранку поеду. Ехать не так уж далеко по российским меркам, часа за три-четыре доскачу. Как раз к полудню и буду на месте.

Так и вышло. Утром немного волновался, осталась ли на месте моя машинка. Все-таки Кавказ, горячие люди! Но меня в гостинице заверили, что с машиной ничего не будет – у них в городе не воруют. Можно машину оставить даже незапертой – никто ничего не тронет. Не верится, конечно, но я не раз видел оставленные на улице машины с приспущенным стеклом – чтобы в салоне не застаивался горячий воздух. Любой автолюбитель знает: стоит машине постоять на солнцепеке, некоторое время в салон сесть нельзя – уши сворачиваются в трубочку, натуральная духовка!

Рассчитался за гостиницу, погрузился в не успевшую как следует нагреться на утреннем солнце вишневую «коляску» да и покатил прочь из города.

На посту ГАИ, на выезде, меня проводили любопытным взглядом, но остановить не попытались – номера чужие, центральной России, так что вряд ли я легко и свободно дам денег «за уважение». Жмот! А значит, незачем и тратить время – лень, по начинающейся жаре. Все равно у этого москвича точно с документами все в порядке. Да и пересменка, домой пора…

Доехал до Краснодара небыстро, сам не ожидал, что будут такие задержки. Добрался после полудня, преодолевая препятствия в виде бесконечных верениц семейных авто, двигающихся в сторону моря и обратно, как лемминги в свой последний поход. А еще – задолбали эти чертовы ремонты дорог, когда перекрывается одна полоса трассы и по второй идет вся армия хомячков, которую июнь сорвал со своего насиженного места.

«Море! Мы хотим к морю!» – так и читалось на лицах тех, кто двигался в сторону Сочи. «Нам надоела эта чертова соленая лужа!» – на скучных лицах тех, кто оставил все свои деньги позади и теперь добирался назад, мечтая о прохладе дачного участка и о шашлыке по случаю прибытия в дом обетованный.

И только я, как торпеда, выпущенная много лет назад, искал свою цель – непонятно зачем и непонятно, какую именно цель. Только знал – мне нужно разобраться в моем прошлом. Нужно, и все тут! Мания, наверное. Но я ничего не мог и не хотел с собой поделать.

Первым делом опять поиски гостиницы. Пришлось задействовать таксиста, который уныло таращился в пространство, стоя на углу, у перекрестка оживленных улиц. Увидев мои номера, он оживился и тут же заломил мне непотребную цену за то, чтобы проводить меня до ближайшей недорогой и приличной гостиницы. В центр я ехать не собирался – во-первых, дорого, во-вторых, что главное, там машину не припаркуешь на ночь. Да и днем в центре с парковкой проблемы. Бедный наш народ, страдающий от нехватки денег, накупил столько машин, что протолкаться через крупный город давно уже стало проблемой. Пробки, пробки, пробки…

В конце концов мы с таксистом пришли к консенсусу, и водила потащился впереди, повиливая задом своей ржавой «шохи», для которой новые задние амортизаторы были бы не роскошью, а настоящим спасением – так страшно подпрыгивал на кочках и рытвинах этот рыдван. А рытвин на дороге было больше чем достаточно – и это в крупном краевом городе! Где и морозов-то настоящих не бывает. Налицо – явное воровство средств бюджета, когда нерадивые дорожники недокладывают в полотно дороги все то, что может потребоваться им самим. После чего тонкий слой асфальта слезает с не менее тонкой подушки щебня, как сладкая глазировка с пасхального кулича. Безобразники! Твари. Нет, не те Твари, но твари.

До гостиницы, именуемой без всяких там изысков «Гостиница», добрались быстро; таксист, жила, мог бы и поменьше взять. Говорить об этой гостинице нет смысла совершенно никакого – кто видел одну провинциальную гостиницу, видел их все. Советский стандарт строительства объектов обезличил и предприятия общепита, и кинотеатры, и школы, и гостиницы – все они братья-близнецы. Или сестры.

Заполнил бланк анкеты и с наслаждением вытянулся на кровати, благо в номере было прохладно – стены толстые, каменные уберегали от летней жары, набрав прохладу за недолгие осенне-зимне-весенние месяцы. Кондиционер бы сюда, но пока такая роскошь провинции недоступна. Да и не провинции – тоже. Советские бакинские кондиционеры, которые ревут, как самолеты, идущие в бомбовый налет, в большинстве своем передохли, импортные же стоили таких денег, что гостиницам, в большинстве своем недавно приватизированным, денег на новое оборудование пока не хватало.

Еще примета времени – как только улегся на кровать, позвонил телефон. Снял трубку, уже зная, что услышу, и не ошибся:

– Отдохнуть не хотите? Есть очень хорошие девушки!

Сообщив, что еще не устал, и потребовав, чтобы меня больше не беспокоили, выдернул телефон из розетки, приготовившись отбиваться от прямых контактов – через входную дверь. Уже знаю, так просто от этого навязчивого сервиса не отобьешься. Придется попотеть. Ясное дело, дежурная по этажу в курсе и получает от фирм досуга свою мзду. Я так-то не возражаю – пусть что хотят делают, хоть друг другу себя продают, но на кой черт портить мне отдых и ломиться в номер? Явный расчет на то, что я все-таки сдамся и возьму одну из этих пахнущих луком, селедкой и дешевой косметикой крокодилиц. Ну пусть не крокодилиц, но на кой черт мне эти девки, когда у меня есть Варя – само совершенство, а при этом еще и Альфа-Суккуба, способная одним движением своих длиннющих ресниц вызвать у любого мужика приступ сексуального возбуждения такой силы, что это вообще может перейти в приапизм!

Я хихикнул, представив себя заболевшим приапизмом, и пришел к выводу, что управлять автомобилем, а пуще того беседовать с людьми было бы очень неудобно. Даже физически. Хотя и морально тоже.

Посмотрел время – уже к вечеру. Сейчас в больнице делать скорее всего нечего – врачи разбежались по своим делам, чтобы скучковаться утром, на планерке. Или как там у них называется? Обход? Ну, я не врач, мне все равно, как назвать. Главное, что сейчас почти никого уже на рабочем месте и нет.

Но ведь есть и дежурные врачи? Опять же – медсестры. И мне не обязательно лезть к первым лицам. Мне нужно найти того, кто работал почти двадцать лет назад. Непростое дело, да. Но и не такое сложное, как найти убийцу Кеннеди. По крайней мере, мне так кажется.

Итак, стандартная процедура – помылся, переоделся в чистое, не пропыленное-пропотевшее, благо что с собой Варя мне надавала кучу летних штанов, рубашек, носков и трусов, с напутствием: «Если ты посмеешь мне там изменить – я все равно узнаю и в следующий раз намажу трусы ядом! Как геракловы подштанники!» Сомневаюсь, что у Геракла были подштанники, но то, что погиб он ни за грош, убитый собственной женой, отравившей его одежду, я знал. И судьбу его несчастную повторять не хотел.

Шутка, конечно, что она – зверюга какая-то? Простила бы… но крови бы попила будь здоров! Сто раз заречешься, прежде чем даже подумаешь об измене!

Расспросил дорогу на рецепшене гостиницы, чем вызвал подозрительные взгляды милой девушки, явно тут же вычеркнувшей меня из числа объектов ее домогательства на предмет брачного союза. Сумасшедший в качестве жениха не котируется. А также имеющий в родне сумасшедших. Впрочем, если у жениха есть пара сотен миллионов долларов – какая разница, сумасшедший он или нормальный? В первом случае его назовут просто и со вкусом: «Эксцентричный миллионер».

Ехать далеко, почти на самую окраину города, да и Краснодар не районный городишко, так что, когда я добрался, конец рабочего дня обрушился на меня со всей своей мощью и неотвратимостью. Стоило заикнуться на проходной больницы, что мне нужно попасть в отдел кадров, меня едва не высмеяли. Какой отдел?! Какие кадры?! Все уж по домам разбежались! Однако хрустящая бумажка соответствующего номинала быстро сменила недоумение и гнев на лице охранника на доброжелательно-участливое выражение оного. И я был допущен в святая святых – административный корпус, с подробным рассказом о том, как проникнуть в логово кадровиков.

В комнате, дверь в которую я тихонько приоткрыл, сидела только одна представительница славного рода кадровиков – женщина лет пятидесяти с жестким, властным лицом человека, привыкшего к тому, что его приказы всегда исполняются. Эдакая королева британская местного ро?злива. На меня она глянула так, что, если бы на моем месте был некий претендент на работу в этой больнице, он бы тут же напрудил в штаны от страха. Или как минимум громко пукнул и покраснел.

Стальной взгляд! Взгляд – гиря!

– Вам что нужно, молодой человек?! Рабочий день уже закончился! – дама еще раз победно посмотрела на меня и отвела взгляд, чтобы зацепить рукой ремень сумочки, лежавшей рядом, на столе. – Приходите завтра, если нужно, конечно! Сегодня – все!

Она сказала «все» с таким выражением, что это прозвучало приговором. Мол, Мойра сейчас обрежет нить твоей судьбы, и ты умрешь!

– А я за вами! – и я улыбнулся самой своей невинной, широкой и белозубой улыбкой. Варя всегда говорила, что главное мое оружие – это не кулаки, а именно обаяние, способное вскружить голову многим и многим женщинам. Если я этого захочу, конечно. И при этом больно щипала меня за различные части тела, чтобы я помнил, что она всегда рядом! И не дай бог я что-то такое… Собственница! Демоница!

– Как это за мной?! – глаза женщины широко раскрылись, она замерла, и я тут же поправился, улыбнувшись еще шире (хотя куда шире, еще-то?):

– Нет-нет, не подумайте ничего плохого! Я имел в виду – хочу вас подвезти до дома! Раз уж я не смог побеседовать с вами на рабочем месте. А ждать до завтра очень не хочется. И мне подумалось – почему бы мне не подвезти эту симпатичную женщину до дома, а попутно с ней и поговорить! Мое имя Анатолий, фамилия – Карпов. Не бойтесь, я паспорт могу показать!

– Да я и не боюсь… – женщина опустилась на стул и, посмотрев снизу вверх, вдруг улыбнулась и недоверчиво помотала головой. – Вот ты чудак… Толя! Бабушку чуть кондратий не хватил! Думаю: ну все, дождалась! Возьмут меня под белы рученьки, да и… отправят, куда Макар телят не гонял! Время-то вон какое… странное время.

– Да какая вы бабушка?! – как можно искреннее возмутился я, некогда получивший хорошую практику в самодеятельном театре-студии. – Да вы еще в самом соку! Женщина! С большой буквы!

– Вот только альфонсов мне тут не хватало! – женщина широко улыбнулась, и мы вместе захохотали. Отсмеявшись, женщина добавила: – Мария Михайловна Прозорова. Ну что же… пошли, ухажер! За сочной женщиной! Вываливайся, я дверь закрою… а то ходят тут всякие… топчут! Только меня далеко везти, через весь город. А еще в магазин надо зайти. Поможешь сумку-то донести?

– Да я и вас донесу! Хотите, прям щас! – я изобразил попытку схватить женщину и поднять ее на руки, она ойкнула, дернулась назад и снова залилась смехом:

– Мерзавец! Ладно, всегда питала слабость к обаятельным мерзавцам. Но только охраннику паспорт покажешь, и пусть запишет. Мало ли – может, ты маньяк! Снасильничаешь бабушку, а потом разошлешь в посылках на север, юг, запад и

восток!

– Обижаете, Марь Михална! Снасильничать – это куда ни шло, а вот в посылках – это же надо на почту идти! В очереди стоять! Ненавижу очереди!

– Тьфу, поганец! – Мария Михайловна совсем развеселилась и шлепнула меня по затылку пухлой ладонью. И надо сказать – ручка у нее была довольно-таки крепкой, совсем не старческой.

На проходной и в самом деле она потребовала предъявить паспорт, охранник записал и фамилию, и мой адрес, и номер машины, на которой мы поедем (пришлось показать и техпаспорт машины). Важно прошествовала рядом со мной, а когда спускалась по ступенькам, ничуть не стесняясь, оперлась на мою руку, тихо шепнув:

– Скажу – будущий зять! Мол, приехал из Москвы, в Кремле работает! Пусть эти овцы потом кости перемывают! Хе-хе-хе…

В машине разговаривать по делу Мария Михайловна не дала. Сказала – сейчас вот зайдем в магазин, купим что надо, а потом она меня чаем напоит. И никаких возражений! Иначе – ни слова не скажет!

Я немного притух – а если она и правда ничего не знает? Ну – вообще ничего, из того, что мне нужно! Так я только время тогда потрачу! Впрочем, а что мне это время? Я что, куда-то спешу?

Увязался за ней в магазин, а когда пришли к кассе, я, не слушая возражений Марии Михайловны, оплатил ее покупки. Их было вообще-то немного – масло, колбасы кусок, конфеты, чай, какие-то печенья, хлеб. К ним я добавил банку красной икры, огурчиков, шампанского, конфет в коробке, постаравшись взять конфеты подороже, ну и еще всякой всячины, которую люди позволяют себе в основном на праздники. Или по случаю встречи со старым желанным другом. Гулять так гулять! Я не нищий, и деньжонки у меня есть.

Минут через сорок (она и правда жила довольно далеко от больницы) мы были возле ее дома – каменного, крепкого, построенного, вероятно, лет двадцать назад. Как она пояснила, строил муж, начальник строительного управления. Муж лет десять как умер, и с тех пор она живет одна – если не считать дочку с

ребенком, перебравшуюся к ней после неудачного замужества с совершеннейшим негодяем. Остальные дочки разъехались кто куда – одна за границей, где-то в Сан-Франциско, вышла замуж за ученого и с ним уехала. Другая в Москве – тоже удачно пристроилась, замужем за неким бизнесменом. Не из олигархов, но вполне себе успешным и обеспеченным. Они ей и денег присылают, просят бросить работу, только куда она пойдет? Сидеть дома? Тошно и скучно. В больнице хоть движуха, люди вокруг, есть с кем поговорить. А дома только дочка, которая все ноет, жалуется на судьбу и постоянно просит денег – то одеться надо как следует, то на косметику, то сходить в клуб – а вдруг там кого подцепит?

Вот так мы с ней и ехали, и с каждым километром дороги во мне крепло ощущение того, что внезапно я оказался жертвенным агнцем, и за воротами дома Марии Михайловны меня ждет жрец, вернее жрица, с ритуальным кинжалом – для заклания. Так что, выходя из машины, я собрался и приготовился к нешуточному штурму своей белозубой персоны. Кстати, обручальное кольцо я не носил, так что… кое-кто явно считал, что шансы у них имеются.

Глава 2

Тут даже кондиционер был! И не бакинский, БК, а настоящий, японский! И даже работал! Я был восхищен такой роскошью, о чем тут же известил Марию Михайловну. Но она только отмахнулась и довольно-таки ехидно спросила:

– Издеваешься? А что такого-то? Вот я когда-то в Ташкенте жила, так там в каждом доме, в каждой квартире был кондиционер! Иначе просто сдохнешь. А у нас… иногда бывают на складе больницы. Вот и урвала… по себестоимости.

Я и прикусил язык. Вот почему Мария Михайловна едва не упала, когда я ворвался в ее кабинет и сообщил, что приехал за ней. Упадешь тут! Сколько веревочке ни виться… ох уж эти больницы! Много или мало, но подворовывают везде, в каждой. Лечили бы еще как следует, а то не так давно по телевидению показывали – взяли и зашили в женщину кусок простыни! Пеленку целую! В живот! Охренеть – не встать… слов нет.

Мы расположились в кухне, так приятно охлажденной кондиционером. Мария Михайловна пошла переодеваться в домашнее, повелев мне быть как дома и не стесняться. Что я тут же и сделал, выложив из сумок на стол купленные продукты и поставив на газовую плиту здоровенный чайник, который наполнил водой из-под крана.

Когда поджигал газ в горелке плиты трескучей пьезоэлектрической зажигалкой, застекленная дверь, ведущая в сад, неожиданно распахнулась, и в кухню ворвалась девушка, на ходу вытиравшая мокрые волосы длинным белым полотенцем. Увидев меня, хозяйствовавшего у плиты, девушка пронзительно завизжала, исторгнув такой громкий и тонкий звук, что у меня даже заломило в ушах. Во всех соседних домах яростно залаяли собаки, для которых ультразвуковой свисток как для человека – пожарная сирена, а я раскрыл рот, чтобы объяснить наяде, кто я такой. Но не успел. Как испанский галеон, наполненный золотом и серебром, погрузившийся в пучину моря, в кухню спустилась Мария Михайловна, которая прервала визг девицы хорошо поставленным командирским рыком:

– Молчать! Знакомиться! Это Анатолий Карпов! Приехал из Москвы! А это Ниночка, моя дочка! Дочь, иди оденься. Сколько раз тебе говорила – не разгуливай голышом! Мало ли с кем я приду домой!

Следует пояснить последние слова хозяйки дома. Дело в том, что Ниночка была совершенно обнажена. Ну вот совершенно! До нитки из полотенца, прилипшей на ее аккуратно выбритый лобок! До аккуратного пупка, до крупных, съежившихся на сквознячке сосков, задорно торчащих вперед, как два пистолетных дула!

Я был слегка ошеломлен, но для себя отметил, что девушка вообще-то хороша. Видимо, в юности она была худовата, но после родов слегка округлилась, и теперь с ее формами все было в порядке. Тем более что она поддерживает свою форму истово и со знанием дела. Уж я-то в этом разбираюсь, все-таки мастер спорта по боксу!

Ниночка появилась минут через пятнадцать, когда мы с Марией Михайловной уже накрыли на стол. Вернее, накрыла она, я помогал – нарезал колбаску, вскрыл банку с икрой, хлеба накромсал, стараясь делать это «культурно» – как мама учила. По мне, так отломить краюшку, макнуть ее в банку с икрой и зажевать – и не надо никаких буржуйских изысков! Но мама с детства меня

натаскивала на правильное поведение в приличном обществе (как будто меня туда могли пустить!), а я не люблю расстраивать мою маму, потому всегда старался соответствовать тому образу, который она пыталась из меня вылепить. Ну… почти всегда. На людях и при ней.

Теперь Ниночка была уже в своем боевом наряде и в боевой раскраске. Короткие белые шортики подчеркивали красоту длинных загорелых ног. Топик обтягивал упругую грудь, не испорченную кормлением ребенка (на искусственном держала?). Прическа – что-то вроде «пажа», не знаю, как это называется, но красиво. И волосы сухие – подсушилась феном, точно. Губы чуть тронула помадой, ресницы накрасила, чуть подвела. Вполне аккуратный и даже интеллигентный раскрас. Не какая-нибудь хабалка в леопардовых лосинах и в индейской раскраске. Типичная студентка из обеспеченной семьи.

Честно скажу – Ниночка мне понравилась. Было в ней что-то такое… хм… даже не знаю, как это передать, как сформулировать мысль. Вот есть девушки, которые подавляют. Они «резкие», бескомпромиссные, эдакие начальницы, Хозяйки. Это для слабых мужчин, для любителей подчиняться.

Есть слабые, тонкие, как плющ, девушки, для которых нет большего счастья, как обвиться вокруг крепкого дуба-мужчины. И чем крепче этот дуб (и тупее), тем сильнее опутывают душащие его нити растения-паразита.

А есть девушки легкие, порхающие по жизни, беззлобные и веселые, каждый день воспринимающие как подарок. С ними рядом легко и весело. Но они так же легко могут от тебя упорхать, ибо их судьба – вечно веселиться, пока не навалится морщинистая старость. Да и старушками они будут… веселушками!

Вот эта девушка была из последних, и, судя по рассказу ее матери, Ниночке сильно не везло на спутников жизни. Ну не те спутники попадались, чего уж поделаешь! У меня были предположения, почему ее долго не выдерживал ни один мужчина, но я оставил их при себе. Мотыльки, они красивы. Но уж больно непостоянны… порхают, порхают, порхают… пока не сгорят в огне свечи очередной любви. Вон как пожирает меня взглядом – небось давно мужика не было. Сколько ей лет? Примерно сколько и мне… может, она и помоложе. Лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. А может, и двадцать пять. Трудно определить возраст девушки, если она следит за собой. Это только женщины могут с первого взгляда вычислить возраст «соратницы», мужчины – практически никогда.

Мы пили чай, ели бутерброды – в этакой домашней обстановке, и я все никак не мог перейти к делу. Мария Михайловна едва ли не как следователь допрашивала меня обо всем, что меня касалось и не касалось, – о жизни в центре России, о ценах на продукты, о том, что я окончил и чем занимаюсь. Когда услышала, что я экстерном окончил университет, – удивилась и даже обрадовалась. Но когда узнала, что я вообще-то приемный сын, почитай, подкидыш, а еще – что у меня есть молодая красивая жена и я ее люблю, разочарованно притухла и даже незаметно (я-то это заметил!) вздохнула. Моя жена была натуральным препятствием к счастливой жизни дочки, а то, что я найденыш с непредсказуемой наследственностью, никак не радовало человека, десятки лет проработавшего в психиатрической больнице. Уж психиатры-то знают, что такое наследственность и как она влияет на поведение потомков!

Наконец, когда мы уже наелись и напились – кстати, женщины вдвоем уговорили бутылку шампанского, – мы все-таки перешли к делу. Резко, без всяких там реверансов и прелюдий.

– Давай колись, чего пришел ко мне? – Мария Михайловна смотрела остро, и во взгляде ее не было и следа выпитого «полусладкого». – Что хотел узнать?

– Двадцать лет назад в больницу привезли двух мужчин лет двадцати пяти – тридцати. Они были одеты в старинные одежды, изранены и не могли говорить по-русски. Вернее, вообще не могли говорить. Я хочу знать их судьбу. Потому мне надо поговорить с врачами, которые ими занимались. Вот и все.

– Вот и все… – задумчиво протянула Мария Михайловна. – То есть ты считаешь, что я знаю тех, кто тогда их принимал? Лечил?

– Если не вы – то кто? По-моему, вы там знаете всех и каждого, – не покривил душой я. – Только не говорите, что это не так. Все вокруг вас вертится! И вы, с вашим умом, с вашим…

– Хватит, хватит! – усмехнулась женщина. – Льстец! Но… интересный льстец. Правда, дочка? Жаль, что женатый. А то бы…

У меня даже мороз прошел по коже. Вот это «а то бы…» мне очень не понравилось. Такая женщина вцепится – не отпустит. Слава богу, что понятия

«семья и любовь» для нее святы – так и сказала, прямым текстом.

– В общем, так! – припечатала Мария Михайловна. – Не надо никого искать и ничего делать. Я сама видела этих мужчин и когда их принимали, и когда выписывали, и вообще – все про них знаю. Как ты правильно сказал – я же там в центре, мимо меня ни одна новость не пройдет! А скажи только, зачем они тебе? Что тебе в них?

Я кратко рассказал, женщина задумалась, потом медленно выдала:

– Вот оно, значит, как… это прямо-таки индийское кино! Это ты – тот ребенок! А потом окажется, что ты сын индийского магараджи и он только и мечтает, чтобы передать тебе своих слонов и груды алмазов.

– На алмазы – согласен, на слонов – нет. Их не прокормить, и опять же – как нагадят, так убирать замучаешься!

Женщины захихикали, а я приготовился слушать дальше. Тут нельзя пережимать – пока «клиент» не созреет, не надо на него слишком уж нажимать. Может замкнуться и не дать нужной информации.

– В общем, так… – Мария Михайловна на секунду задумалась. – К нам их доставили уже подлеченными – физически. Раны затянулись, швы сняли, физическое состояние – в пределах нормы. На поправку пошли. А вот психика – это да. Как ты верно сказал, они вообще ничего не понимали, не узнавали, говорить не могли – ни на одном языке. Мы даже китайца притащили, пытались их разговорить, так они только глазами лупают, и все, молчок. Друг с другом тоже не разговаривают, да и не узнают даже! Как будто не вместе были. А нам все рассказали о них, вся больница гудела – откуда взялись да что случилось. В общем, лежат, как мешки, и больше ничего. Есть им дадут – едят. В туалет отведут – сходят. А сами ничего не просят и ничего не говорят. Ну, тогда главврач Михаил Васильевич, дельный был врач, профессор, приставил к ним сотрудника – учить их языку, вообще жизни учить!

Мария Михайловна победно посмотрела на меня, и я все понял:

– Вас?! Да ладно! Я не верю в такую удачу! Не может быть!

– Я, мой дорогой наглец Толя, я… повезло тебе! Несказанно повезло! Я их учила, я с ними разговаривала потом, когда научила. Только ничего хорошего это тебе не даст. Ни-че-го!

– Почему это? – удивился я. – Они что, ничего не рассказали? Или вам запретили говорить?

– Знаешь, да? – Мария Михайловна усмехнулась. – «Конторских» вертелось вокруг них – кучами! И так допрашивали, и эдак. Только никакого толку. Они ничего не помнили. Очнулись в лесу, кто они и откуда – ничего не знают. Откуда шрамы – тоже не знают. У старшего, того, что с бородой, шрамов просто ужас сколько! Такое ощущение, что его пытали в застенках! И что только с ним не делали! Ты бы видел – у меня на голове волосы шевелились! У него кожу лентами вырезали, представляешь?! Полосами! Ногти вырваны! Пальцы изувечены! Кости сломаны, рентген показал. Лицо – будто тигр когтями драл! Он потому бороду и отрастил, чтобы шрамы скрыть. А так вполне молодой парень, лет тридцать, а может, даже и меньше. Шрамы и борода всегда старят. И кстати – хоть и молодой, но уже седой. С проседью, точней. Скорее всего, поседел, когда его пытали.

– А второй? Второй – такой же? – не выдержал я.

– Второй – лет двадцать с небольшим… Двадцать пять, на мой взгляд. Израненный, но его не пытали, точно. Шрамы были – старые, вроде как от ножа или сабли, но не очень много. Чтобы, как первого, на ремни резали – такого не было. Ну что еще сказать… пролежали они у нас с полгода – вначале комитетчики возле них вились, а потом и отстали, увидев, что ничего не выходит. Даже вроде как вводили им что-то, какое-то вещество – но за это не ручаюсь. Так… слухи были. Рассказывали мне. Шила-то в мешке не утаишь! Но без толку. Ничего не вышло. Ну и отстали. Исчезли. А парни эти потихоньку в себя приходили. Я их языку научила – они быстро учились. Рассказала о мире, грамоте научила. Хорошие так-то парни, умные. Правильные…

Глаза женщины затуманились, и я вдруг понял: кто-то из этих «парней» был для нее не просто пациентом. А может, у них любовь была? Хм… интересно! А сколько лет младшенькой-то?! Ниночке?! Нет, не может быть! Но вообще-то Марии Михайловне в то время лет было совсем даже не много, пятьдесят минус двадцать – лет тридцать, не больше! Тридцатилетняя – в соку женщина! Все понимает в отношениях мужчины и женщины, все умеет, и… много не просит.

Только лишь любви, любви и еще раз – любви. М-да-а… вот так открытие! Впрочем, а что оно мне дает? Да ничего! Ну, была она с кем-то из них в любовных отношениях, и что?

– А что с ними потом стало?

– Потом… – Мария Михайловна погрустнела. – Да что потом… Кстати, а ты знаешь, что каждый год находят людей, которые ничего не помнят? Не так, как эти, – эти двое даже языка не помнили. Но все равно – человек вдруг обнаруживает себя стоящим на улице, без документов, без денег и совсем ничего не помнит. Кто он, откуда, как оказался в этом месте – ничего не помнит. Его в больницу, такую, как наша. Подержат там какое-то время, больше полугода нельзя, сделают документы, ну и выпускают. В советское время о таких случаях молчали, ну как же – у нас нет ни наркоманов, ни проституток, нет и людей без памяти. Потому что люди без памяти в советском обществе не живут! Точка! Хрень это все, конечно. Тупость. Только в последние годы стали по телевизору показывать таких людей, чтобы нашли их близкие. Иногда находят. Только без толку. Он и жену не помнит, и детей – будто вырезали у него это все из мозга. Мистика какая-то. А мистику в СССР не уважали.

Женщина замолчала, а я ее не отвлекал от раздумий. Ниночка тоже сидела тихо как мышка и только пялилась на меня влажными глазами влюбленной телки.

М-да… девочка еще та! Женишься на такой, а она и будет влюбляться в каждого заезжего коробейника! И думай потом, от кого ребенок. Таких хорошо держать в любовницах, но никак не в женах. Да и в любовницах… как-то стремно. Не кинет, так наградит чем-нибудь… смешным. От любви плотской приключающимся. Как там сказано в хорошем старом фильме? «От любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю!» Потешные, черт их подери… слава богу, меня эти потехи миновали! И теперь минуют – с моей-то способностью уничтожать чужеродные пакости в моем организме. Только вот пробовать не хочу. Ну их всех к черту… потешниц.

– Выписали им документы, – медленно и даже как-то глухо продолжила Мария Михайловна. Тот, что постарше, стал Федоровым Семеном Михайловичем. Второй, помоложе, – Сидоровым Петром Михайловичем. Почему-то решили – пусть у них отчество одно будет, как имя нашего главврача. Вроде как дети они его. В нашей больнице окрестили. Ну а фамилии просто с потолка. А почему и нет? Федоровых да Сидоровых полон Союз. Стало на одного больше – кому от

этого плохо?

– Ну а дальше, дальше – что с ними было? – подтолкнул я женщину, явно впавшую в подобие депрессии. Видимо, что-то вспоминала. Не подтолкни – запрется в раковине и отвалит в сторону. И конец рассказу. А ведь найти такого ценного свидетеля я и не мечтал!

– Федоров учиться пошел. Вначале школу экстерном сдал – он умнейший парень! Голова – просто университет! Потом в медицинский пошел. Стал врачом-хирургом. Оперирует в областной больнице. Отличный хирург! Семья у него, трое детей – два мальчика и девочка. Дом хороший, квартира, дача. Живет – не тужит! Он ведь еще и спортсмен, представляешь? Зашел как-то в секцию фехтования, и так ему понравилось, что он начал там заниматься. На соревнования ездил, чемпионом стал! Вроде как на саблях. Чемпион Союза и вроде как и мира. Но точно не знаю. Не разбираюсь. Хорошо живет. Славный человек.

Черт! Она ведь с ним! Точно, с ним! Столько у нее любви, тоски в голосе, даже дочь поняла – с таким удивлением посмотрела на мать, что та тут же постаралась взять себя в руки.

– Живет, в общем. О прошлом так ничего и не вспомнил. Откуда взялся, кто он – ничего не помнит. Веселый, хороший человек. Сидоров Петя – тот в военные пошел. Он не такой умный, как Семен, но ужасно сильный, как медведь! Представляешь – он арматуру узлом завязывал! А ловкий какой! Муху на лету ловил! Прямо из воздуха выхватывал! Ну вот и пошел он в армию – вначале не хотели брать, после психушки же. Но он добился комиссии, сняли с него статью. Ну и я помогла… как могла. Живой, сейчас уже майор, скоро на пенсию выйдет. Воевал сам знаешь где. Ордена у него, медали. Говорят, прославился, разведчик он. Ему равных нет в этом деле. Ну так мне рассказывали. Я вообще-то следила за их судьбой… некоторое время. А потом след потерялся. У них своя жизнь, у меня своя. Кто я им? Так… первый учитель. Сиделка. Ну вот так. Ничего они о прошлом не помнят, не сомневайся. Уж как их комитетчики грузили – как шпионов каких-то! Обкололи их спецсредствами, бесстыжие! Ну вот такие дела, Толя… Хватит тебе информации? Все услышал, что хотел?

– Скажите… один из них… был похож на меня? – сердце замерло, застучало быстрее.

– Нет! – Мария Михайловна отрезала безапелляционно и уверенно. – Ты высокий, светловолосый, можно сказать – тощий. Старший – тоже худой и жилистый, как и ты, но темноволосый и пониже тебя ростом. Второй русоволосый, но очень плотный, и даже кажется, что толстый. Только не толстый он. У него мышцы – как у медведя! И тоже на тебя не похож. Думаешь, какой-то из них твой отец? Вряд ли… отцы и дети бывают непохожи, но это редко. Но случается!

Она не кинула взгляд на Ниночку, не скосила на нее глаза, но я чувствовал: Ниночкин отец – кто-то из этих парней. И самое смешное – мне пришло в голову, что, возможно, она имела отношения с обоими мужчинами сразу! И кто из них отец Ниночки, можно только гадать. Или сделать генетическую экспертизу.

А что, женщина боевая, шустрая, с нее станется – охмурить обоих. Муж где-то по стройкам мотается, задницу морозит да секретаршу трахает, а жене что делать? Когда рядом интересный молодой мужчина! Шрамы? Шрамы мужчину только украшают. И необычные они, загадочные, это подогревает женское любопытство и великую любовь. Хм… к двум… нет, не апельсинам. Мужикам.

Мы посидели еще, потом Мария Михайловна извинилась и отправилась отдыхать, наказав Ниночке развлекать меня и не давать скучать. В кои веки к ним заглянул симпатичный молодой человек, да еще такой интересный! Надеюсь, что она не имела в виду «то самое развлечение». Хотя с нее станется. Если я правильно просчитал ее характер.

Ниночка поняла маму как надо, пересела ко мне поближе, время от времени касаясь моей железной ляжки своей гладкой загорелой коленкой и вздыхая так, будто ей катастрофически не хватало воздуха. При этом ее приличного размера и формы округлости поднимались едва не к самому моему носу, обдавая запахом каких-то свежих, тонких духов. А может, это были и не духи, а запах чистого, вымытого женского тела. Ниночка была хороша, без всякого сомнения. Но жена! Моя молодая, любимая, прекрасная жена! Извечная дилемма – да или нет!

Нет. Нет! НЕТ!

Ниночка нависала, Ниночка касалась плеча упругой грудью, рассказывая что-то свое, веселое, о какой-то своей подруге, скорее всего выдуманной, а я впадал в оцепенение, будто лягушка перед мордой прекрасной кобры. Еще немного… еще чуть-чуть…

И… меня спас рев. Рев трехлетнего карапуза, который вбежал в дверь со стороны сада, показывая всем желающим свою несчастную ручку, уколотую злым растением, предположительно крыжовником. Кстати сказать, за все время наших посиделок я так и не задался вопросом: а где же сейчас обитает ребенок этой самой Ниночки, ведь Мария Михайловна говорила, что живет с дочерью и ее ребенком! Похоже, что ребенок спал – дневной сон по расписанию – где-нибудь в саду. А потом, пока мы тут сидели, проснулся и решил погулять. Ну и… укололся.

Само собой, Ниночка тут же кинулась его утешать, а я, воспользовавшись суматохой, быстро попрощался и с разочарованной молодой мамочкой, и с гостеприимной хозяйкой дома, появившейся в самый разгар утешения несчастного карапуза, вопившего так, что и пожарную сирену услышать было бы нелегко.

Усевшись в автомобиль, я сорвался с места и покатил в свое ближайшее будущее. Когда отъезжал, в окне второго этажа заметил могучий силуэт Марии Михайловны – если, конечно, это была она. И взгляд, который я почувствовал на расстоянии, не был таким уж доброжелательным. А может, у меня обычная паранойя. Заразился от работницы психбольницы. А она – от пациентов.

Ну что, теперь в гостиницу! И думать. Думать, думать, думать… Вообще-то дело хреновое. Совсем хреновое! Круг-то замкнулся! Ну вот нашел я этих двоих – и что? Они не помнят, кто такие! У них новая, другая жизнь! Не та, которая была раньше! Откуда они пришли? Кто они? Память стерта, это ясно. И, скорее всего, восстановить ее невозможно.

Я не был голоден, так что не стал заходить ни в кафе, ни в ресторан. Только что из-за стола, поэтому ужин пока не нужен. Хотелось просто поваляться на кровати, бездумно, не размышляя ни о чем, – валяться и смотреть в потолок. Сколько раз замечал: обдумываешь какую-то проблему, кажущуюся неразрешимой, и чем больше думаешь, терзаешь мозг, тем сложнее и неразрешимее она кажется. А выкинешь все из головы, займешься другим делом, отвлечешься, и вдруг… бах! Решение выскакивает само собой! То-то наши предки говорили: «Утро вечера мудренее». Знали толк в решении вопросов, это уж без всяких сомнений.

И я налил ванну, погрузился в нее и плавал не меньше часа, параллельно слушая включенный на полную мощь телевизор, а потом, не мудрствуя лукаво, лег спать. Чтобы утро было гораздо, гораздо мудренее! Так оно по большому счету и

вышло. Утро получилось на диво мудреным.

Мне снилось, что я лежу на огромном борцовском ковре, мягком, как кровать. И что сверху на меня наваливается великан. Огромный такой великан, дышащий смрадом, воняющий потом и почему-то сигаретами. Мерзкий сигаретный перегар забивал ноздри, не давал дышать – этот смрад старой пепельницы я ненавидел всегда! И ненавижу сейчас, во сне!

И я проснулся.

– Лежать спокойно! Не двигаться!

Голос был резким, холодным, не предвещающим никаких приятных перспектив. Руки мои были стянуты наручниками, а на ногах сидел здоровенный тип, на самоварной морде которого блуждала довольная полуулыбка.

– Ну вот! А говорили, опасный парнишка! Да он телок! Настоящий телок! Лежи, парень, не двигайся. И не вздумай шутить!

Шутить я не собирался, Петросяном стать никогда не мечтал, а самого Петросяна даже недолюбливал. То ли шутки у него слишком для меня плоские и пошлые, то ли я глупый и не понимаю настоящего юмора. Но, конечно, мой визави имел в виду совсем другое. Чем я сейчас по большому счету и собирался заняться. Свинство, честное слово, забираться в чужой номер и вести себя подобным образом – вязать руки, усаживаться грязным задом на мою чистую постель!

Четверо. Двое со мной возятся, двое расхаживают по комнате. Один роется в моих вещах, вытрясает из бумажника. Второй потрошит сумку, вываливая содержимое прямо на пол. Все, что Варя так любовно гладила, укладывала, стараясь для любимого мужа. И вот теперь какой-то гад мнет, трясет все это грязными руками!

– Не трогай мои вещи, мразь! – не выдержал я, дернувшись, чтобы проверить крепость моих конвоиров. – Не ты положил, не тебе и брать!

– Заткнись, урод! – ответствовал тот, что тряс мои штаны-трусы, и продолжил заниматься своим делом с еще большим усердием, нарочито брезгливо расшвыривая мои вещички.

Кстати, только сейчас до меня дошло – они меня знают. Откуда? И кто такие? Менты? Может, и менты. Бандиты? Может, и бандиты. В наше время отличить их друг от друга бывает очень нелегко. И с той, и с этой стороны есть бывшие менты. Все ЧОПы, большинство из которых давно уже стали настоящими ОПГ, забиты бывшими ментами, убежавшими из органов внутренних дел по причине низкой зарплаты или вышвырнутыми за должностные преступления.

– Что вам надо от меня, сволочи?! – рявкнул я и снова попробовал пошевелиться, ворочаясь, как медведь после зимней спячки. Оба моих пленителя крякнули и покрепче прижали меня к кровати. Один, тот, что приковал мои руки к стояку центрального отопления, пропустив под него цепь наручников, еще и пребольно ткнул меня кулаком в ребро.

– Заткнись! Ни слова, а то огребешь по полной!

Из этого я сделал вывод, что убивать меня пока не собираются, избивать – вроде тоже. Но перспектива такая вообще-то имеется. Наследил я по своей жизни очень и очень круто. Чего стоит только одно бандитское частное охранное предприятие, в котором я перебил всю верхушку и самого хозяина, прихватив оттуда кругленькую сумму бабла. Или взять Арену, где я проделал то же самое. И какая разница, что это все были плохие люди? У плохих людей тоже имеются друзья. И эти друзья иногда желают отомстить. А оно мне надо?

Так. Тот, что у головы, держит меня за шею. Руки мои направлены вверх и к стене, то есть я почти вполоборота к комнате. Тот, что на ногах сидит и держит их, смотрит на соратников, пакостящих мои вещи. Я аккуратно, незаметно напряг руки, натягивая цепь наручников, выждал пару секунд и… раз!

Дзынь! Цепь лопнула! Руки свободны!

Захват! И тот, что держал меня за шею, снарядом летит в того, что сидит на моих ногах! А я уже прыгаю с кровати!

Оставшиеся двое еще не до конца поняли, что происходит, но надо отдать им должное – двигались они быстро, на уровне рефлексов. Еще не успели сбитые мной боевики замереть на полу, а их соратники уже тянули стволы из скрытых под мышкой кобур!

Но не успели. Прыжок, хлесткие удары – бам-бам! И оба, как кегли, валятся на пол. Я ведь все-таки мастер спорта по боксу, не хухры-мухры! Даже если бы я не был Альфой с усиленными рефлексами и с силой, превышающей силу стандартного человека как минимум в два раза, а то и в три, – мне положить этих олухов так же просто, как отнять конфетку у ребенка. С кем связались, болваны?!

Вот только кто эти болваны, черт подери? И не убил ли я этих придурков? Бил-то мало того что не защищенным перчаткой кулаком, так еще и кулаками, на которых болтаются стальные «браслеты»! Кстати, пора бы освободиться от этой пакости. Ключи должны быть у того, кого я использовал в качестве метательного снаряда.

Те, в углу, пошевелились, и я в два широких шага оказался рядом с ними. Мордоворота, что сидел на ногах, угостил ударом в скулу, надежно вырубив его как минимум на полчаса, а первого отброшенного взял за ремень и, как чемодан, отволок на середину комнаты. Обшарил карманы, нашел ключи от наручников и уже через несколько секунд с удовольствием растирал свои запястья, на которых отпечатались следы «кандалов».

Меня самого удивило, как легко я порвал эту цепь. Честно сказать, давно уже не испытывал сам себя – насколько же сейчас выросла моя сила! На тренировках я никогда не работал в полную силу, удары лишь обозначал, иначе ведь можно и убить. А с «железом» почти и не занимался. Во-первых, закачивание мышц негативно влияет на скорость, во-вторых… ну… просто не хотелось, да и все тут! Моя фигура меня устраивала, тем более что я постоянно вертелся на турнике, делая сотни подъемов переворотами и подтягиваний, а большего мне и не надо.

Ноги? Ноги я тренировал бе?гом, пробегая в день не менее трех километров. Да и прыгалка – главный «тренажер» всех боксеров. Тот, кто думает, что заниматься с прыгалкой совсем плевое дело, – жестоко ошибается. Большинство людей не выдержат и трех минут, занимаясь с этим очень простым и таким жестоким предметом. Тут тебе и бег, тут тебе и прыжки – дыхалка и выносливость, и все это простая прыгалка.

Того, кто пару минут назад держал меня за шею, я решил обозначить прозвищем Первый. Так вот Первый шевельнулся и застонал. При падении он крепко приложился головой о стену, я даже подумал, что он мог сломать шею. А убивать не хотелось. Я ведь здесь зарегистрирован! В гостинице! У них есть все мои координаты!

Хм… а даже если бы их не было – нападавшие все равно знают, кто я такой. Так какого черта? Волей-неволей я все равно вовлечен в какую-то темную историю. Зря, что ли, они все сюда явились?

Пошарил по карманам Первого, и… вот оно! Удостоверение. Крайнов Петр Сергеевич, капитан милиции. Упсс… вот и все. Какого черта? Теперь мне пришьют статью вроде неповиновения, сопротивления и всякой такой гадости. Вот только интересно – ордер у них есть? На то, чтобы вламываться в номер? Чтобы делать обыск? Ведь ни понятых, ни каких-то бумаг, подтверждающих полномочия этих типов, мне не предъявили! И что теперь делать? Пованивает от этой истории, точно. И от этих чуваков.

Стаскиваю с кровати простыню, рву ее на полосы. Пусть потом гостиница предъявляет счет! Пусть попробуют это сделать! Какого черта они пустили в номер чужих людей – без всякого ордера? Ну и что, что менты? Теперь – корочки покажут и пусть делают что угодно?! Не глупите! У ментов ограничений больше, чем у папы римского! И точно они не имеют права делать обыск без соответствующего разрешения и без понятых!

Вяжу агрессоров по рукам и ногам. Пришлось попыхтеть и еще пару раз приложить двух мордоворотов, очнувшихся так быстро, что это походило на сказку. Видать, привыкли уже получать удары и после этого вставать на ноги. Боксеры? Почему бы и нет? Вон какие плечистые парни.

Я снял трубку телефона и, с удовольствием убедившись в том, что связи меня не лишили, потребовал вызвать ко мне милицейский наряд – на номер напали неизвестные, я их связал и держу под контролем. Думаю, что это грабители. Под оханье и аханье дежурной положил трубку, прикинув, натуральным было удивление женщины или нет. Скорее всего – нет. Но рисковать она не будет, обязательно позвонит в милицию. А если не позвонит? Если вызовет дружков этих типов? Вдруг она с ними связана?

Я снова снял трубку и после секундного колебания набрал ноль два. После чего в течение трех минут внятно и четко объяснил суть происходящего, постаравшись как следует нагнать жути и пояснив, что уже дал задание дежурной по гостинице вызвать наряд. Но вот только решил продублировать – мало ли, вдруг она связана с преступниками! Затем обшарил карманы всех присутствующих, собрал их удостоверения и, предварительно протерев, чтобы не было отпечатков пальцев, обернул носовым платком и засунул в отдушину над ванной. Пусть там будут. Мне так спокойней. Пусть теперь попробуют объяснить, зачем они влезли в номер к честному гражданину!

Пока ждал, собрал вещи, уложил в сумку. Оделся так, чтобы можно было долгое время не думать о чистоте. То есть выбрал темно-серые смесовые штаны, такую же серую смесовую рубашку. На всякий случай и белье сменил – если засунут в камеру, так пусть я подольше буду в чистом.

Опергруппа прибыла через полчаса. Вообще-то забавно – а вдруг меня тут убивают? Да за полчаса меня уже могли повесить на моих же кишках, а потом спокойно доехать до границы Дагестана! Ребята, вы что там, все спали в похмельном бреду? Помятые, скучные, совсем не такие опера, каких показывают по телевизору. И точно не горящие желанием тут же броситься на раскрытие дела. Хотя я вам это самое дело принес на блюдечке! Даже на четырех блюдечках! Вот они, злодеи, берите и вяжите!

К тому времени эти самые злодеи очнулись и, как следовало ожидать, начали требовать. Они требовали: во-первых, развязать, во-вторых, чтобы я пошел с ними, если мне дорога жизнь. В-третьих… да мало ли чего они требовали! Плевать мне на них! И когда приехала опергруппа, супостаты заявили, что они работники милиции и приехали за Очень Серьезным Злодеем, то бишь за мной, аж из самой Москвы. Но, увы, подтвердить этого ничем не смогли – удостоверений-то нет!

Нас всех погрузили в милицейские «уазики» – меня на заднее сиденье, злодеев за заднее сиденье, в «обезьянник». И отвезли в РОВД, которое, кстати, находилось всего в пяти минутах езды, и добежать оттуда можно было и пешком. И гораздо быстрее, чем за полчаса. Ну да ладно – пусть это будет на совести ментов. Если она есть, конечно. Нет, вот попаду служить в милицию, я так себя вести не буду. Буду честно работать, не так, как эти помятые жизнью олухи!

Меня отвели на второй этаж, в кабинет, где обитали опера, а злодеев, не развязывая им руки, – в «обезьянник» РОВД. Заявлял-то я, так что мне надо писать заявление, объяснение, ну и все, что приличествует нормальному «терпиле».

Когда опер услышал, что у меня ничего не взяли, а только проникли в номер и растрясли одежду – он сразу поскучнел и тут же меня просветил, что, скорее всего, это будут хулиганские действия, к тому же без всяких таких нехороших последствий для хулиганов. Ибо повреждений они мне не нанесли, материального ущерба – тоже. А вот с их стороны может быть встречная заява – на то, что я избил несчастных людей, случайно перепутавших номер и желавших спросить дорогу до своего.

Кстати сказать, как бы ни глупо, абсурдно звучала эта версия, но она была вполне себе реальна. Хороший адвокат, правильные действия обвиняемых – и все можно так перевернуть с ног на голову, что из «терпилы» я превращусь в настоящего злодея. Чего мне совсем уж и не хотелось.

Через час оживленного обсуждения мы с опером пришли к консенсусу: я напишу отказное заявление, в котором укажу, что не хочу, чтобы в отношении задержанных предпринимали какие-либо действия со стороны закона. Погружусь в свою машину и отвалю отсюда как можно быстрее. Злодеев же подержат до утра и отпустят, когда с ними разберутся. По всему видно, что это все-таки настоящие менты, вот только куда делись их удостоверения, знает только черт. И при слове «черт» опер выразительно посмотрел на меня, так, что я понял, кто тут черт, а кто бесогон.

Сказано – сделано. Выписаться из гостиницы было делом минуты, особенно когда я припугнул дежурного администратора: сказал – подам на нее в суд за то, что дала запасной ключ от номера неизвестным людям. Пусть даже они и предъявили ей некое красное удостоверение. (Силен еще страх людей перед властью! Пока – силен…)

Выписавшись, не теряя времени, прыгнул в машину, забросив сумку на заднее сиденье, и покатил прочь из города. Но только не туда, где меня могли бы ожидать заслоны преследователей, а в противоположном направлении – в сторону того городишка, с которого я начал мой анабасис. Зачем? А затем, что мне никак не давала покоя фраза старого мента, сказавшего мне, что фельдшерица что-то скрывает. И я чуял – это «что-то» настолько важно, что за

мной пустили целую свору опытных и бессовестных волкодавов.

Снова ночная езда, снова встречные фары, прохладный воздух из приоткрытого окна, шорох шин и музыка из магнитолы. Слушаю я обычно разные сборники, частенько еще советские песни. Или иностранщину вроде «Битлз» и иже с ним. Не люблю современную, этих всех «америкэнбоев» и «ласковый вой». Даже не так – не просто не люблю, я их ненавижу! Полнейшее оглупление масс. Мерзость.

Ехал быстро, практически на пределе возможностей. Не своих – машины. Движок 1500 кубиков выдавал максимум 150 километров в час – это если по прямой. Мешают только особо упертые фуры, которые тащатся в ночи со скоростью пешехода, даже если подъем совсем небольшой. Эти «чемоданы», как их называют, перегружены сверх меры. Большинство из них с дагестанскими номерами. Я давно уже слышал, что дагестанцы держат львиную долю грузовых перевозок по России, теперь вот убедился воочию.

Впрочем, обгонять их сейчас не составляло труда – дорога пустая, а сплошная разметка мне сейчас по фигу. Кто увидит? Гаишникам тоже спать надо – план сделали, пора и на боковую. Кроме тех гаишников, что на стационарных постах, конечно.

На посту при въезде в город меня остановили. Вяло проверили документы, вписали в книжку-«гроссбух», так же вяло поинтересовавшись о цели посещения города. Я сказал что-то о том, что еду в гости, назвал фамилию старого гаишника, у которого был сутки с лишним назад, и больше вопросов не было. Кроме одного – как он там, дядя Ахмед? Как здоровье? И попросили передать ему привет от Максуда и Ибрагима. На том все и закончилось.

Знакомая гостиница в предутренние часы. Еще темно, окна в номерах не светятся. Горит только лампочка на рецепшене. Стучу, появляется дежурный администратор – другая, не та, что была в прошлый раз. Пускает меня внутрь, и я снова заполняю анкету. Рассказывать о том, что я выписался отсюда сутки назад, ни к чему – зачем ей лишняя информация? «От многия знания – многия скорби», как сказано в Екклезиасте. А по-нашему: «Меньше знаешь – крепче спишь».

Спать мне не хотелось, но после душа, смывшего дорожную пыль, я заставил себя лечь в кровать и погрузиться в тревожный сон. Энергию нужно было беречь.

Проснулся я в семь часов утра, мгновенно натянул на себя штаны, рубаху, надел ботинки и, заперев номер, отправился в знакомое кафе запасаться энергией. Энергетические сгустки в виде пельменей «курзе» мне не достались – увы, кафе было закрыто. По глупости я забыл, что время раннее, а кафе открывается только в десять утра. Пришлось отправиться в ближайший магазин и купить себе всяческой невкусной, но вполне питательной дребедени. Плюс бутылку минералки, способной помочь растворить всю эту гадость.

Усевшись в машину, затолкал в себя часть продуктов, справедливо полагая, что ехать по делам (и, похоже, опасным делам!) голодным – дурость и даже идиотизм. Если меня повяжут (а шанс на то был), то время до следующего приема пищи может растянуться на сутки, а то и больше. А мой растущий организм этого очень не любит. И протестует всяческими очень неприятными симптомами, имеющими целью обратить внимание глупого хозяина на проблемы своего голодного тела. Бурчание в животе, тянущее чувство – почти боль, плохое настроение и немотивированная агрессия – вот минимальный перечень симптомов, присущих голодному мужчине. А если это помножить еще и на три! То это точно буду я.

Подъехал к дому бывшей фельдшерицы около восьми утра, примерно без четверти восемь. Пес за забором встретил меня грозным громовым лаем, заслышав звук работающего двигателя чужой машины (машину хозяина собаки узнают мгновенно), но когда я подал голос, пес сразу стих и тихонько завизжал, искренне радуясь приходу своего Хозяина. Своего Вожака.

Я позвонил. Снова ожидание. Открыли. Теперь вышла сама хозяйка, уставившаяся на меня так, будто я был ходячей чумой, а не человеком. Открыла рот, чтобы сказать что-то неприятное, злое, но я молча шагнул вперед, двигаясь как заправский бульдозер, и буквально вдавил фельдшерицу во двор, захлопнув за собой стальную калитку.

Женщина вдруг раскрыла рот и закричала – громко, протяжно, на незнакомом мне языке. Видимо, звала кого-то на помощь. И я скоро убедился – точно, звала. Когда я, таща фельдшерицу за собой… вернее, толкая ее перед собой, прошел мимо собаки и уже почти подошел к крыльцу дома, из его дверей появились

двое мужчин. Один был возрастом примерно за пятьдесят, с круглым, нажитым возрастом брюшком, но еще крепкий, сильный, с могучими плечами. Другой – точная его копия, среднего роста, квадратный и сильный – в милицейских брюках и форменной рубашке с короткими рукавами, на плечах которой топорщились капитанские погоны.

Женщина что-то им крикнула, показала на меня, и мужчины без разговоров бросились вперед, явно для того, чтобы разорвать меня на тысячу маленьких медвежат – этого некогда опасался медведь Балу, а теперь и мне пришлось остерегаться того же.

Молодой, более скоростной, успел первым… чтобы нарваться на хлесткий удар в челюсть, тут же отправивший его в нокаут.

Папаша запоздал на секунду – чтобы повторить судьбу сына.

Как кегли попадали на дорожку – любо-дорого посмотреть! Тынц-тынц! И готово!

М-да. Если что и умею делать, так это бить людей. Хорошо это или плохо – не мне судить. Просто констатирую факт.

Женщина раскрыла рот, собралась бежать, но я шагнул к ней, схватил за горло, пережав дыхалку, и тихо, ровным голосом сказал:

– Я еще немного сожму пальцы, и у тебя сломается шея. А потом я убью твоего мужа и твоего сына. И кто там еще есть? Дочка? И ее! Потому заткнись и шагай в дом – тихо, без резких движений. И если ты закричишь – ляжешь так же, как и они. Уяснила? Все поняла? Если поняла – мотни головой.

Мотнула, вытаращив глаза то ли от страха, то ли от недостатка воздуха. И тогда я потихоньку отпустил горло, контролируя все движения «пациентки». Я не могу рисковать. Если она завопит – поднимется вся улица! И что мне тогда, начинать небольшой геноцид?

– Только не убегай далеко. И не запирайся в доме. Иначе сверну бошки твоим близким. А я этого не хочу.

Женщина сразу замедлила шаг, я уцепил бесчувственные тела за руки и поволок за собой. Крыльцо было низким, но все равно перетаскивать было неудобно. Со старшего по дороге почти съехали штаны, обнажив бледный, заросший черными волосами крестец и часть толстого зада. Неприятное зрелище!

Тащить по полу в доме было уже гораздо легче – паркетный пол, зачем-то покрытый половиками, по нему туши противников (каждая минимум сто килограммов, а то и сто двадцать!) скользили легко и приятно. Остановился в гостиной, она же столовая, бросив тела посреди комнаты. Еще десять минут ушло на связывание рук и ног и на затыкание ртов – очнутся, будут вопить, как потерпевшие, коими, по большому счету, они и являются. Закончив и осмотрев дело своих рук (хорошо ли упаковал?), я перевел взгляд на сидевшую на стуле хозяйку дома, бледную, с застывшим омертвелым взглядом, и спокойно, как можно более дружелюбно предложил:

– Поговорим?

Женщина молчала и только судорожно тискала в руках застиранное полотенце. Вид ее был таким, что мне вдруг на секунду показалось, что она спятила и добиться от нее ответа я так и не смогу. Но тут же я отбросил эту мысль – вряд ли фельдшерица, работавшая в бригаде «Скорой помощи», видавшая виды, выезжавшая на страшные ДТП, наподобие того, на котором обнаружили меня, мелкого, настолько слабонервна. Видимо, просто притворяется сумасшедшей. Эдакая защита вроде мимикрии.

– Вот что, уважаемая! – начал я холодно и спокойно. – Если ты не скажешь мне все, что я хочу знать, я буду пытать твоих близких. Резать их ножом! Ломать им пальцы! И ты все равно расскажешь все, что я спрошу. Выбирай, с кого первого начать? С сына или мужа?

– Что тебе нужно? – хрипло каркнула женщина. – Чего ты к нам пристал?

– Я пристал потому, что ты скрываешь от меня важную информацию. Я точно знаю, что скрываешь, я чувствую это! И пойду на все, чтобы узнать, что именно ты скрываешь! Но ты можешь просто сразу рассказать, что знаешь. И кстати, можешь не бояться. Мне неинтересно, на какие деньги ты построила свой дом!

Женщина едва заметно вздрогнула, и я довольно усмехнулся – в десятку! Попал! Точно!

– Итак, начинаем. Что было при младенце, которого ты осмотрела? Медальон? Браслет с именем? Что еще?

Женщина снова дернулась, взглянула на меня и промолчала. И тогда я встал, подошел к ее сыну, который начал подавать признаки жизни, ворочаясь и мыча, и с силой начал пинать его в бок – раз, два, три! Мужчина жалобно застонал, а у женщины из глаз полились слезы:

– Не надо! Не бей! Я все расскажу! Все!

Не медальон. Не браслет. Все гораздо прозаичнее. Мешочек с золотыми монетами и драгоценными камнями. Рубинами и алмазами, насколько я понял. Основное – золото, и немножко камней. Я вообще-то не разбираюсь в камнях, но знаю, что и один такой камень может стоить как несколько мешочков с золотом.

– Еще что? Было что-то еще? Ведь было же! Ну!

Это «ну!» подействовало, как удар кнута. Женщина вздрогнула, кивнула, встала с места и пошла в соседнюю комнату. Я за ней, чувствуя, как сердце бухает в грудную клетку, норовя вырваться наружу. Меня почти трясло от приближения к цели моего путешествия. Вот сейчас она что-то достанет, и это что-то – я уверен! – точно расскажет мне то, что я хочу знать. Паспорт? Свидетельство о рождении? Фотографии? Что?!

Это была пачка бумажных листов. Странных листов, желтоватых, очень прочных, совсем не похожих на современные. Тонкая пачка, сантиметра два толщиной, эдакая маленькая книжка. Они были уложены в кожаный мешок, ровно по размеру листка. Именно листка, потому что до настоящего листа эти листочки, будто вырванные из записной книжки, недотягивали.

Каждый лист с двух сторон был исписан красивым, можно сказать, каллиграфическим почерком. Вот только прочитать я ничего не мог. Потому что этого языка не знал. Арабский? Похоже. Китайский, корейский? Тоже похоже! Но не европейский, это точно. Нечто среднее между арабской вязью и китайскими иероглифами. Я много знаю. У меня абсолютная память. И могу точно сказать – я

такого текста никогда не видел.

Мы вернулись за стол, я стал слушать женщину, которую буквально прорвало словесным потоком, но параллельно смотрел на листки и мгновенно впитывал, запоминал каждый завиток, каждую картинку, которую видел на этих самых листках.

Да, там были и картинки. Рисунки растений, сделанные искусно, хорошим рисовальщиком, и под рисунком – явная подпись-название. Изображения людей, в том числе и «разобранных» на части. И тоже с подписью. Картинки с какими-то предметами, изображениями камней, в том числе и драгоценных. И чем больше я смотрел на эти листки, тем больше во мне крепло ощущение, что я читаю медицинский трактат! Самый настоящий медицинский трактат!

А на последнем листке с двух сторон были разделенные пробелами абзацы с кусками текста разной длины и, вероятно, заголовком этого самого абзаца. И я понял: здесь главное, ради чего написан весь трактат. Что это – я не знал. Но ощущение, что это нечто важное и тайное, выросло во мне выше самого высокого дерева.

Я запомнил все, что было изображено и написано на листках. Я бы мог воспроизвести написанное до последней буквы – если только это были буквы. Я мог бы изобразить любую картинку – без особого труда! Ведь я Альфа. Я Супер-Альфа! И для меня это плевое дело. Детские игры.

Женщину я дослушал. О том, что зарплата нищенская, что работа фельдшера неблагодарная, а люди злые, что ее семья бедствовала, и это был единственный шанс поправить семейное благосостояние. Что ей очень жаль и она будет потихоньку выплачивать мне все, что они потратили из моего «приданого».

Но мне это было неинтересно. Это их проблемы. И деньги мне те не нужны. Я достаточно обеспечен. А за кражу у ребенка, у сироты, их накажет Аллах. И мало им не покажется. Я возьму только эти листки, и больше из их поганого дома мне ничего не нужно. И она мне не нужна с ее тупыми мордоворотами.

Все это я ей сказал. И поднялся, чтобы покинуть негостеприимный дом. Но не успел.

За окном раздался голос, усиленный динамиком, и я все понял – дочка! Болван, я не проверил второй этаж! И даже другие комнаты, и те не проверил! А там был телефон, и она позвонила и вызвала подмогу.

И видела, слышала весь наш разговор.

И теперь мало не покажется мне.

Да, мало не показалось. Похоже, под окном собрались все менты РОВД – с автоматами, в бронежилетах, не меньше десятка машин с милицейскими опознавательными знаками и просто гражданских – то ли служебные, то ли принадлежащие сотрудникам милиции.

Мозг работал четко, ясно, и в этой ясности звенела струна понимания – попал! Я – попал! Ворвался в дом, вырубил хозяев дома, взял в заложники их и женщину. Так это выглядит со стороны. Никому не интересен факт, что двадцать лет назад меня, тогда еще младенца, – фактически ограбили, забрав все ценное, что у меня было с собой. Все, что положили мне родители. Или не родители, но положили.

Никому это не надо. И никто эти смешные речи слушать не будет. Тем более что все, что были здесь, – свои для хозяев дома. Знакомые, друзья, родственники. И вот он я – чужак. Во многих языках «чужой» и «враг» – обозначаются одним словом. Я – враг! А что делают с врагом, если он не сдается? Как сказал наш великий, добрейший и самый писательский из писателей Максим Горький, его уничтожают.

Итак, что делать? Документы – паспорт, водительское – у меня в кармане. Деньги – тоже. В гостинице осталась сумка с барахлом. Ну и машина – вон она, у обочины. Бежать пешком? Чушь. Я выделяюсь на улицах города, как снеговик в пустыне Сахара. Тут – темноволосые, смуглые, невысокие. Я – высоченный, худой, русоволосый, почти беловолосый – как могу спрятаться среди аборигенов? Да никак!

Тогда – что? Брать заложника и прорываться к машине? Да, могу положить многих, если мне не прострелят башку. Прорвусь.

Ну хорошо – прорвался. И что? Не сняли меня снайперы, не расстреляли местные джигиты. Сел я в машину и поехал – куда? А милицейские посты? А единственная дорога, перекрыть которую – раз плюнуть? Ну ладно, даже прошел я ее – дальше куда? Домой? С заложником?

И остается тогда только одно – сдаваться. Выйти и сдаться, а там – будь что будет. Осудят за нападение и захват заложников? Да плевать! Я никого не убил, расскажу, как оно все было и почему я решился на такой шаг. Мама наймет адвокатов, и мне дадут минимальный срок. Отсижу и выйду. У меня впереди целая жизнь! Сотни и сотни лет! Ну что мне пять лет тюрьмы?! Мне, который не боится ничего и которого убить можно, только снеся башку и раздробив ее на части!

Да. Другого пути не было. И я пошел к двери.

Пес проводил меня тихим поскуливанием, и я погладил его лобастую башку, нагревшуюся на солнце. Мне ужасно хотелось забрать его себе, я бы отдал за него много денег – ему было плохо здесь, а со мной было бы хорошо. Он был похож на меня – сильный, жесткий, но добрый. Верный друг, но страшный враг. И он сидел на цепи. Навсегда – на цепи. Лучше бы и правда они отдали его в отару, в горы. Пусть там и не так сытно, как здесь, но… свобода. Свобода! И сейчас меня ее лишат. Прощай, пес! Надеюсь, мы еще увидимся! Я обязательно приду и заберу тебя, чего бы это мне ни стоило!

Когда вышел из ворот, поразился, сколько здесь собралось людей. Невероятное количество! Сотня?! Две?! Такое впечатление, что весь город собрался смотреть на то, как вяжут супостата, осмелившегося забраться в дом уважаемых людей! Лица хмурые, глаза злые, не глаза – а горские кинжалы, способные рассечь горло чужака! Дай им волю – линчуют, и потом докажи, что ты на них не набросился и не попытался убить!

На меня сразу навалились несколько человек. Сбили с ног, закрутили руки, надели наручники. Я не сопротивлялся.

Потом достали из кармана бумажник с деньгами и документами, ключи от машины – все, что у меня там было.

Били не сильно – так, попинали по ребрам и под дых, пока я лежал на земле, а затем повели в дом, чтобы все оформить как полагается.

Пес. Он превратился в фурию! Он ревел, хрипел, бросался на моих конвоиров, он пытался меня защитить – страшный, могучий, как аляскинский медведь, как Цербер, поднявшийся из ада! И милиционеры остановились, смущенные и раздосадованные нежданной преградой. Стрелять? Так это пес человека, которого они освобождают! И что делать? Поколебавшись, стали разворачиваться назад, и тут из дверей дома выскочил «сынок» с пистолетом в руках. Похоже, это был его штатный пистолет Макарова. Бывший заложник подскочил к псу, который ощерился и на него, и выпустил в лобастую голову овчарки три пули подряд. Пес даже не взвизгнул – он упал, несколько раз дернулся и замер, глядя на меня остановившимися, пустыми и какими-то умоляющими глазами.

Стрелявший что-то сказал на своем языке и сплюнул на труп бывшего своего сторожа. Потом начал говорить – бурно, яростно, указывая на меня пальцем и тыча в мою сторону стволом пистолета. Я не понимал его речи, но по жестам, по бурной речи догадывался: рассказывает он о том, что с ними случилось, излагая свою версию нападения на этот дом. А я стоял, и на меня опускалась черная, глухая тоска. Мне ужасно было жаль пса, и ощущение было таким, будто я его предал. Он встал рядом со мной в строй, он выступил против моих врагов, а я… я стоял и смотрел, как его убивают. И его жертва была напрасной. Вожак предал свою Стаю.

И я не выдержал. Щелкнули-зазвенели порванной цепью наручники, разлетелись в стороны нагруженные бронежилетами и автоматами конвоиры, я шагнул к убийце пса и ударил – сильно, страшно, ломая ребра. И только в последний момент сдержался от того, чтобы убить.

Когда мужчина упал, я пнул его в бок – раз, два, три, еще, еще! Туша хекала, хакала под моими ударами, но мужчина не терял сознания. Он был крепким парнем, а под слоем жира у него на боках прощупывались пласты крепких мышц. Бывший борец, наверное. Или просто от природы крепок и силен. Так бывает.

Когда громыхнули выстрелы, я даже не понял, что стреляют в меня. Только когда дышать стало трудно, а рубаха на груди и плечах окрасилась красным, я сообразил – меня убивают. И двинулся на убийц, с намерением затолкать их

поганые автоматы в их не менее поганые зады. И затолкал бы, но сзади ударил хлесткий, гулкий выстрел из пистолета, и пуля едва не снесла мне верхушку черепа. Она бы и снесла, но я споткнулся, потому нырнул вперед, и тупоносая девятимиллиметровая пуля лишь черканула по моему черепу, выбив фонтанчик крови и вырвав клочок скальпа, и на пару секунд выбила меня из действительности, приведя в состояние, близкое к «грогги».

Остальные пули из «макара» пошли в спину. Все четыре. И снова залаял автомат, прошивая меня маленькими острыми пульками так, будто я был не человеком, а каким-то Терминатором, стальным монстром, покрытым человеческой плотью.

Никогда еще я не был так близок к смерти. Одна пуля – и смерть! Одна пуля в голову – и больше ничего не будет, совсем ничего! Ни сотен лет жизни, ни счастья с молодой женой, ни детей, которых я хочу завести. Много, много детей!

И мне ужасно захотелось жить. Просто-таки до слез. До воя. До зубовного скрежета.

Просветление. Я смотрю по сторонам – стрелки с автоматами отбежали от меня шагов на тридцать, не меньше, и сейчас стрелок меняет магазин. Пришла тупая мысль – куда он расстрелял полный магазин?! Неужели в меня?! Сын хозяйки выглядывает из-за угла дома – успел убежать? Когда успел? Неужели я так долго стоял?!

О господи! Как мне хочется быть отсюда как можно дальше! Чтобы не видеть этих рож! Чтобы пули не рвали мое тело! Мне же больно! Больно! Перестаньте, сволочи!

И я вспомнил. Я понял! И, взмахнув рукой, активировал заклинание!

Вспышка света. Дурнота. Ощущение безвременья и полета. И темнота.

* * *

– Что это было? – заместитель начальника РОВД смотрел туда, где пять минут назад стоял светловолосый парень, и не видел ничего такого, что бы могло

помочь разгадать эту загадку. – Куда он делся?! Что вообще произошло? Эй, Ахмед, что за парень-то?

– А я знаю? – Ахмед поморщился и со стоном тронул бок. – Он мне ребра переломал! «Скорую» надо вызвать! Откуда я знаю – кто такой? Он даже собаку нашу украл! Прикормил, пес и лаять на него перестал! На мать наехал! Сумасшедший, она говорит!

– А что у него за листки? Старинные какие-то!

– Наши листки, – мужчина поморщился, – всю жизнь у нас хранятся! Сколько себя помню! Бабушкино наследство, она маме передала. Древнее что-то. Я хотел показать ученым, да мама не хочет. Говорит: вот когда умру, тогда и будете распоряжаться. А пока не трогайте! Не хочу маму обижать – пусть лежат. Ценное что-то, точно – не зря он за них ухватился!

– А откуда он знал, что у вас такие ценные листки есть? – замнач подозрительно прищурился. Врет подчиненный, точно врет! Скрывает что-то.

– Не знаю! – мужчина ненатурально удивился, пожал плечами. – Знал откуда-то! У него спроси!

– Спросишь теперь… – вздохнул замнач. – И как теперь объяснить, куда он делся? Волшебство? Да меня в дурку запрут!

– Гипноз! – собеседник криво усмехнулся. Улыбаться ему было больно, и он болезненно поморщился. – Грабитель напал, отнял старинную рукопись. Его захватили, он умудрился порвать наручники и напал на нас! Мы стреляли, но он загипнотизировал всех и ушел!

– Вай-вай… – замнач схватился за голову, – представляю, какой будет шум! Гипноз, шайтан его забери! Больше ничего не остается, да. Ох, вре-мена! Что творится! До чего страну довели! Гипноз! Кашпировские-машпировские! Тьфу! «Скорую» уже вызвали, едет… лечись. А мне теперь работать! Вот вы мне подбросили работы! Шайтаны!

Замнач не прощаясь повернулся спиной к собеседнику и пошел прочь от дома.

Глава 3

Вначале была боль. Боль грызла плоть, боль сводила с ума, боль не позволяла думать.

Следом за болью пришел голод. И он был не менее страшным, чем боль. Он тоже грыз плоть, уничтожая остатки жира, съедая мышцы, оставляя на их месте жалкие высохшие веревочки.

Жажда. Именно она заставила двигаться невыносимо страдающую плоть, разъедаемую болью и голодом, усиливая их, делая совершенно непереносимыми.

Существо начало двигаться. Медленно, неуклюже, двигаясь судорожными движениями, продвигаясь на считаные сантиметры туда, где ноздри существа чуяли влагу.

Час, два, три… и вот, раздвигая камыши израненными, сбитыми в кровь конечностями, существо пробороздило густой, черный ил на берегу степной речки и плюхнулось в теплую, нагретую на солнце воду.

Хорошо! Много жидкости! Много строительного материала для плоти!

Существо закопалось в ил почти с головой и время от времени опускало туда и ее, все телом впитывая такую сладкую, такую вкусную мутную воду.

А потом оно начало есть, хватая ил широко разинутым ртом, проталкивая его в глотку – вместе с дождевыми червями, на беду оказавшимися не в то время не в том месте, вместе с листьями, упавшими с одинокого дерева, нависшего над берегом, вместе с жучками, копошившимися в черной трясине.

Корни и стебли камыша – в глотку! Головастик – в глотку! Лягушка едва не вырвалась, но худая длинная рука мгновенно поймала ее, и белые, крепкие зубы с чавканьем разжевали брызнувшее сытной кровью скользкое тельце.

Потом наступила ночь, и существо затихло, затормозило процесс насыщения. Тем более что желудок был уже полон смесью грязи и разжеванных живых тварей.

Утром процесс активизировался, но только теперь существо не опускало голову в ил, отхватывая его черные куски, а делало это руками, процеживая ил между пальцами, стараясь поймать убегающих червяков и грязевых жуков.

Как оказалось, больше всего червей жило возле самого берега, там, где росла трава, на границе ила и дерна. Так что существо переползло туда, и, только если требовалось попить, снова спускалось к воде, и, напитываясь жидкостью, долго лежало на мелководье, омываемое небыстрыми прозрачными струями.

Когда на водопой пришел дикий осел размером с небольшую лошадь, он долго осматривался, принюхивался, после чего спустился к воде и начал пить, сторожко поводя ушами. Здесь было опасно, и осел это знал. Здесь бродили стаи волков, стаи шакалов и стаи самого страшного врага – человека. Но эта река была единственным источником воды, и в сухой сезон все равно приходилось идти к ней – ночью, под прикрытием тьмы. Для хищных зверей тьма как день – волки прекрасно видят в темноте. А вот люди ночью спят, и потому опасность становится меньше.

Когда осел уже почти закончил пить, ему послышался шорох, бульканье под берегом, у небольшого обрывчика, с которого он и опустил до воды свою серую, зубастую голову. Осел мгновенно вскочил с колен, на которые опустился, но запоздал с прыжком. Что-то большое, облепленное илом с ног до головы, взметнулось из реки и мертвой схваткой вцепилось прямо в шею.

Сила захвата была такой страшной, такой могучей, что осел захрипел, забился, не в силах сделать и шага, и под тяжестью прилепившейся сбоку туши неизвестного зверя упал на бок, чтобы больше уже никогда не подняться. А зверь рвал шею осла, раздирал ее, отбрасывая, отплевывая куски кожи с шерстью, а когда из дергающегося живого мяса брызнула струя горячей крови – припал к ране и стал жадно, захлебываясь, глотать красную, пахнущую железом жидкость.

Существо пробыло возле мертвого осла несколько дней, отгоняя стаю шакалов и жадно отрывая от туши уже пованивающие, осклизлые куски мяса. На жаре мясо

быстро протухло, но существо этого не замечало, как не замечало и ползающих по мясу личинок мух. Тем более что переваривалось подгнившее мясо легче, чем свежее. Тело с благодарностью принимало «строительный материал», мышцы наливались силой, укрупнялись, сращивались порванные волоконца, заживали старые раны.

Когда мясо закончилось, существо решило, что ему пора идти. Куда идти, оно не знало, как не знало, кто (или что) оно такое и где находится. Его гнали вперед инстинкты, властно повелевающие идти вперед, чтобы что-то найти. Найти и сделать то, что нужно.

Инстинкт говорил – надо идти вдоль реки. Почему вдоль реки – существо не осознавало, как не осознавало само себя. И оно пошло. Теперь – вполне уверенно, пружинисто шагая на окрепших ногах. Эти дни усиленного питания позволили ему восстановить энергию. Не полностью – жирка в теле так и не было, но в той степени, чтобы не выглядеть ходячим скелетом и практически полностью восстановить силовые и скоростные характеристики организма.

Он шел так три дня, останавливаясь, чтобы поймать лягушек и червей и попить воды.

К концу третьего дня, перед тем как войти в город, существо вдруг осознало себя. Догадалось, что существует «я». И перестало быть зверем. Ведь только человек может осознать себя. Почувствовать себя личностью. И существо стало личностью. Какой? Он еще не знал. Но знал, что существует, и впитывал знания, ощущения, как впитывает песок пустыни долгожданный дождь. Это был чистый лист бумаги, на котором любой может написать любое – и хорошее, и плохое. Ребенок. Младенец.

Стражники у ворот не обратили на входящего в город человека никакого внимания. Во-первых, они были заняты руганью с купцом, который не желал платить дополнительные деньги за привязанных к фургону заводных лошадей. Во-вторых, мало ли у ворот бродит всевозможных нищих, среди которых этот грязный оборванец терялся, как камешек в горном обвале! На всех нищих будешь тратить время – целой жизни на то не хватит!

И оборванец побрел вдоль улицы города, подгоняемый мыслями, таящимися глубоко в его мозгу. Он шел и шел, инстинктивно держась с краю улицы,

совершенно не осознавая, для чего это делает. Его мозг был чист, чище мозга бродячего кота, который на последнем усилии ищет сытную помойку, где можно поживиться вкусными объедками и поймать мышь или даже крысу – теплую, вкусную, забавно пищащую. Все знания, весь жизненный опыт оборванца, из чего, собственно, и состоит личность любого существа, были закупорены в самых дальних уголках мозга, и вытащить их могло только чудо. Или колдовство. Все, на что был способен организм, только недавно осознавший свое «я», – это функции, связанные с его выживанием. Есть, пить, двигаться, совершать естественные отправления – он мог только это. Не более того.

– Глянь, какой урод! – приказчик лавки мясника заржал, показывая пальцем на бредущего с краю улицы мужчину.

– Ух ты! Великан какой! – зеленщик, болтавший с приказчиком ни о чем, чтобы убить время, уважительно и с удивлением помотал головой. – Глянь, какие плечи!

– Ты глянь, какая морда! А грязный! И как его стражники-то пропустили? И тощий! Что толку с широких плеч, если мяса нет?

– А чего бы им его не пропустить? С него взять нечего, так и пропустили. Они только с таких, как я, дерут три шкуры! И нищие им не нужны! Нет, правда, здоровенный какой, даром что тощий! Я разбираюсь! У меня брат в легкой пехоте, ветеран. Он всегда говорил: «Ты не смотри, сколько мяса! Смотри – на жилы! Жилистые – они самые крепкие! И когда мясистые уже задыхаются, жилистые все прут и прут!»

– Ну, не знаю… – приказчик с сомнением посмотрел на заросшего русой, почти белой бородой дикаря, волосы которого свалялись, были спутаны и торчали над головой, как иглы. Штаны мужчины покрыты засохшими пятнами грязи, рубаха висела лохмотьями, открывая длинные, мосластые, жилистые руки – тоже очень грязные и черные от загара. Да и весь мужчина в тех местах, где его тело не покрывала грязь, был загорелым дочерна. Поражали глаза этого нищего – ярко-синие, будто светящиеся изнутри, они смотрели на мир с непосредственностью маленького ребенка. Он рассматривал мир так, будто видел его в первый раз.

– Да он сумасшедший! – после паузы в несколько секунд добавил приказчик. – Посмотри, он же ненормальный! Смолы небось обкурился! Или порошка

нанюхался! Он же ничего не понимает!

– Нет, – бросил зеленщик со знанием дела. – У нюхачей нос красный и зубы гнилые. Черные все! А у него, посмотри, все белые!

Приказчик присмотрелся – как раз в эту секунду беловолосый вдруг широко улыбнулся и зашагал к пирожнику, выкатившему к обочине короб с пирогами и начавшему зазывать покупателей.

И правда, зубы странного типа были белыми, крепкими, как у собаки. Или как у волка…

– Ой, что сейчас будет! – зеленщик схватился за подбородок и начал теребить бороду. – Он к Пергину идет! А Пергин терпеть не может нищих! Сейчас измордует несчастного!

– Точно! – приказчик тоже скривился, скорбно помотал головой. – Вот же скот! Ему бы только поглумиться над слабыми! В прошлый раз одного нищего затоптал до смерти, сказал, что тот на него набросился, хотел деньги отнять!

– И ты мне рассказываешь? – зеленщик фыркнул, не отрывая взгляда от медленно бредущего через улицу мужчины с белыми волосами. – Да я сам все видел! Бедолага еще немного пожил – хрипел, кашлял кровью, а потом вытянулся и помер! И ничего Пергину не было! У него брат в Страже, вроде как командир Тумана. Сто человек в подчинении, это не шутка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/chistil-schik-vystrel-iz-proshlogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить